

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ

А. А. Гриценко

(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)

Естествознание уже давно оперирует понятием пространства - времени, в котором казалось бы независимые и самостоятельные характеристики превращаются лишь в разные измерения единой реальности. В исследовании экономической действительности понятия пространства и времени использовались всегда достаточно активно, но преимущественно в традиционном, обыденном значении. Однако сама экономическая деятельность, в основе которой исторически лежит труд человека, изначально является способом взаимопревращения времени и пространства в особые социально-экономические формы бытия.

В процессе трудовой деятельности человек осваивает естественное пространство, затрачивая на это время своей жизнедеятельности и создавая таким образом особые трансформы экономического пространства - времени. Эти трансформы преодолевают естественную ограниченность пространства и времени, являясь по существу тождеством сверхпространства и сверхвремени. Наиболее развитой трансформой пространства - времени является стоимость.

В соответствии с трудовой теорией стоимость представляет собой затраты общественно-необходимого времени труда, воплощенные в товаре. Это есть время, ставшее пространством товара, или пространство, измеренное временем, и состоящее из него.

Однако, совпадение экономического пространства - времени с естественным пространством товара и физическим временем труда носит исторический характер. По мере того, как труд перестает быть главным фактором производства вещественного богатства, время воспроизводства блага обособляется от времени труда, а пространственное бытие времени выделяется из естественного пространства товарного мира. Первоначально это движение связано с возникновением денег как особого товара, в теле которого концентрируется экономическое пространство - время, но затем с переходом через знаковую к идеальной форме стоимости, экономическое пространство - время приобретает чистую, идеальную форму. Это есть время, хотя и локализованное в пространстве, представленном товарным миром, но абсолютно подвижное, не связанное ограниченностью пространственных форм, а способное мгновенно изменять свою пространственную локализацию (в условиях кризиса миллиардные состояния моментально перемещаются из континента на континент).

Концентрация стоимости есть концентрация экономического пространства - времени, его уплотнение, неизбежно сопровождаемое искривлением, деформациями и усилением тяготения. Деньги представляют собой единицу масштаба плотности экономического пространства - времени. Если валовой внутренний продукт страны разделить на отработанное время, то получим стоимость времени. А так как стоимость и есть локализованное в пространстве время, то стоимость времени оказывается просто безразмерным коэффициентом перевода экономического времени в экономическое пространство в пределах рассматриваемой страны. Поскольку же стоимость выражается в деньгах, постольку денежная единица и оказывается этим коэффициентом перевода, и вместе с тем единицей измерения плотности экономического пространства - времени.

Если, например, в стране создается 5 денежных единиц в час валового внутреннего продукта, то эти 5 единиц есть лишь другое, абстрактное обозначение усредненного часа труда. 5 денежных единиц всегда в пределах экономического пространства данной страны будет обозначать 1 час труда. Но реально в разных точках рассматриваемого экономического пространства 1 физический час труда может воплощаться и в большем, и в меньшем количестве денежных единиц. Это кажется противоречащим утверждению о том, что определенное количество денежных единиц всегда представляет 1 час труда, однако это противоречие снимается в результате учета более быстрого или медленного течения времени в данной точке экономического пространства. Если в каком-то хозяйственном звене в час создается, например, не 5, а 10 долларов, то это означает, что экономическое время в этой точке пространства течет в 2 раза быстрее. За 1 часом физического времени кроется 2 часа экономического времени, но по-прежнему 5 долларов представляют 1 час общественно-необходимого рабочего времени.

Однако точно также можно было бы исходить из противоположной предпосылки: 1 физический час труда может воплощаться в разных количествах товаров и, соответственно, денежных

единиц. Но тогда возникает вопрос о том, что же воплощает в себя денежная единица. В данном случае она будет характеризовать не время труда, а его пространственный, воплощенный в товарах, результат. Денежная единица оказывается единицей измерения экономического пространства.

С точки зрения результата оказывается все равно: течет ли более быстро время в этом пространстве или само пространство оказывается плотнее при том же физическом времени. Иначе говоря, пространство и время оказываются эквивалентными, взаимопереходящими характеристиками единой экономической реальности - стоимости, которая и есть конкретной абстракцией и формой экономического пространства - времени. Эта абстракция является наиболее реальной формой всеобщей связи хозяйствующих субъектов, преодоления их пространственной и временной локализации.

Внешние проявления единства экономического пространства и времени весьма отчетливы и зафиксированы в научном сознании. Так, в теории ренты большая удаленность производства от рынков сбыта эквивалентна увеличению стоимости, т.е. общественно-необходимого времени труда, затраченного на изготовление товара. Известный афоризм "время - деньги" не только образное выражение, но и весьма точная характеристика одного из моментов диалектики экономического пространства - времени.

Если на карте мира обозначить страны и регионы с соответствующим ВВП, созданным в час, то получим карту плотности экономического пространства - времени. При этом оказывается, что за одно и то же физическое время в одних странах и регионах производится и потребляется во много раз больше, чем в других. Или для того, чтобы произвести и потребить эквивалентное количество благ и услуг в одних странах и регионах нужно прожить и проработать в несколько раз больше физического времени, чем в других. Экономическое время в слаборазвитых странах течет медленнее.

Области более плотного экономического пространства - времени обладают большей силой тяготения, в силу чего образуется несколько центров плотности, по мере удаления от которых пространство - время разрежается. Эта закономерность реализуется в разное время и на разных уровнях в возникновении промышленных центров и городов, богатых и бедных стран и углублении пропасти между бедными и богатыми. При этом каждая точка и область экономического пространства выступают и, соответственно, оцениваются как проявления единого экономического пространства - времени. Когда ВВП каждой страны для обеспечения сравнения выражают, например, в долларах США, а курс доллара определяется на основе внешнеэкономических (прежде всего торговых) отношений данной страны с другими странами, то тем самым плотность экономического пространства измеряется мировой единицей пространства - времени.

С категорией экономического пространства - времени органически связаны понятия экономической свободы и экономического богатства. Экономическая свобода представляет собой субъектное, а экономическое богатство - объектное выражение степени овладения экономическим пространством - временем. Экономически богатый человек может сам свободно перемещаться в пространстве (завтракать в Вашингтоне, ужинать в Париже), изменять конфигурацию экономического пространства - времени (переводить крупные денежные суммы из одного региона в другой, создавать и перемещать материальные ценности) и т.д.

Экономическое время может иметь и отрицательное значение, т.е. течь вспять. Это происходит в случаях перехода от денежного хозяйства к натуральному, при деиндустриализации. Плотность экономического пространства - времени при этом уменьшается.

Возможны также наложение пространств с противоположным течением времени. При этом взаимодействия пересекающихся пространств и времени не происходит. Экономическое пространство - время абсолютно пронизуемо. В одной точке в одно и то же время может находиться бесконечное множество локализованных пространств. Это идеальная форма экономической материи.

Примеры таких пространственно - временных характеристик могут дать переходные процессы в постсоциалистических странах. Материальные высокотехнологичные ценности, которые могли бы иметь большую стоимость в иных экономических мирах, в данном локальном пространстве идут по цене металлолома в бартерных сделках. Изменение структуры и форм экономического пространства-времени органически связано с исторической динамикой и может служить дополнительным методологическим средством ее познания.

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ГИПОТЕЗА ГРЯДУЩЕЙ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

М.М. Гуревичев

(Национальный технический университет "ХПИ")

На рубеже веков и тысячелетий простые люди размышляют о том, что век грядущий им готовит. Ученые анализируют прошлое и настоящее, исследуют тенденции мирового развития и прогнозируют его будущее. В этой связи ниже излагаются некоторые соображения по поводу мегаисторической динамики современного мира. Это: 1) системноаналитический подход к современной глобальной ситуации, 2) поливариантность путей грядущего мирового прогресса и 3) *Homo sapiens* как цель, ресурс и суперсила глобальной трансформации.

Системоаналитический подход к современной глобальной ситуации, сложившейся в мире на исходе XX века, предполагает по крайней мере выяснение:

- её сходства и отличий от ситуации на рубеже XIX и XX столетий,
- системы противоречий нынешней ситуации,
- её основного движущего противоречия.

Бросая ретроспективный взгляд на мир конца 19 – начала 20 столетия, нетрудно заметить общие черты с глобальной ситуацией конца 20 – начала 21 столетий. Главными чертами данного сходства являются, конечно же, естественные обстоятельства. Земля занимает то же самое место в солнечной системе, скорость её вращения та же, её климатические пояса не изменились, флора и фауна в принципе те же, природные ресурсы распределены столь же неравномерно и население расселено примерно так же.

Но социальный пейзаж за минувшее столетие изменился поразительно. Коренные изменения, пожалуй, таковы: население увеличилось втрое; НТР ускорила и умножила происходящие перемены; капитализм и квазисоциализм сменяются постиндустриальным обществом; мировое сообщество, ранее разделенное на классы-антагонисты, сменяется единством многочисленных и сотрудничающих социальных групп на основе реализации плюрализма форм собственности; смена универсального технологического уклада автоматизированным и инновационно-коммуникабельным позволила в десятки раз увеличить мировой валовой продукт; на несколько порядков увеличилось число людей, имеющих среднее образование, и в тысячу раз – высшее, средняя продолжительность жизни землян увеличилась, примерно, вдвое. Однако, данные, бесспорно, великие перемены консолидировались в новое глобальное качество. Но его дальнейшее повышение зависит от разрешения новых противоречий, сложившихся на протяжении исходящего века и представляющих исходное звено механизма прогрессивного движения человечества в грядущее.

Ориентировочная иерархия системы данных противоречий выглядит следующим образом. Прежде всего, это фундаментальное противоречие между настоящим техногенным путем развития человечества и окружающей средой, т.е. между результатами деятельности человека и природой, породившей его. Техногенный путь цивилизованного развития, утвердившийся в качестве магистрали прогресса в XX веке, не только не разрешил прежние, но породил и обострил целый ряд глобальных противоречий. Важнейшие из них: противоречие между развитыми и развивающимися странами ("Север-Юг"), противоречие между демографическим взрывом и рутинным производством в отсталых странах, противоречие между материальным комфортом и нравственным невежеством в передовых странах, между гуманитарными ценностями и антигуманными деяниями (терроризм, наркотики, алкоголизм, курение), противоречие между гигантским интеллектуальным потенциалом человека разумного и мизером его использования.

Однако, сама по себе эта система глобальных противоречий хотя и является потенциалом их разрешения, объективно не дает ни возможностей, ни ресурсов для этого. В связи с этим, возникают два остроактуальных вопроса: 1) каковы возможности разрешения данных противоречий, представляющие пути грядущего прогресса и 2) каковы ресурсы, "питающие" движение по ним современного человечества.

Поливариантность путей грядущего мирового прогресса возникает на почве современной глобальной ситуации. Жизнь со всей очевидностью доказала, что ни капитализм, ни квазисоциализм, ни постиндустриальное общество, ни информационное общество не дали всему человечеству мира, свободы, хлеба, работы, духовных благ. Стремясь к дальнейшему прогрессу, который должен наконец-то их обеспечить, мировое сообщество сегодня находится перед выбором путей грядущего развития. Это нелегкий, но необходимый и неизбежный выбор.

Первый путь – есть продолжение пройденного, когда нет надобности выбирать, а можно идти по

проторенной дорожке техногенного прогресса. Соблазн такого пути велик сам по себе: легче всего трудиться по старинке. Но дело не только в соблазне и легкости. Дело в том, что сегодня высокие технологии (включая информационные), реализуемые в глобальном масштабе, свидетельствуют, что движение именно по этому пути уже происходит. Но как с лихвой доказал минувший век – это временный путь для избранных и гибельный путь для всего человечества.

Второй путь – это движение под воздействием новых высоких СОЦИАЛЬНЫХ технологий. Он, конечно же, много предпочтительнее первого. Почему? Во-первых, потому что он доступен каждой стране, а не только избранным. Во-вторых, потому что он способен на деле способствовать единству всех стран в достижении общемирового социального успеха. И в-третьих, потому что он означает неизбежную трансформацию одностороннего и техногенного НТП в научно-социальный прогресс (НСП) как новую форму мирового общественного прогресса.

Но есть и третий путь, предполагающий сочетание НТП и НСП, как многообещающий способ взаимодействия естествознания, социологии, техники и человека. Разумеется, это наиболее оптимальный путь общемирового прогресса. Но такой путь невозможен на основе традиционных ресурсов, которые в значительной степени исчерпаны, во-первых, и не адекватны данному пути, во-вторых. Требуется принципиально новый ресурс цивилизованного развития человечества по данному пути. К счастью, такой ресурс есть. Это – сам человек.

Номо sapiens как цель, главный ресурс и суперсила глобальной трансформации. Наука установила, что цель развития человеческого общества в XXI веке уже будет не максимизация удовлетворения потребностей человека, а её развитие как творческой индивидуальности. Именно творческая индивидуальность личности в массовом масштабе и явится новым неисчерпаемым ресурсом развития грядущей Глобальной-системы. Но такую личность в массовом масштабе еще надо “родить”.

Для формирования, развития и использования данного ресурса имеются многочисленные общественные предпосылки. Первостепенное значение среди них приобретают предпосылки институционального характера. Выделим главные из них.

Это: Декларация ООН о приоритете прав человека (1948 год); Программа ООН о человеческом развитии (1990 год); Гумано-инвестиционная революция, которая служит переходу к массовому высшему образованию; Гуманно-инновационная революция, ориентирующая на творчество как образ жизни; Гуманно-социальная революция, создающая новый социум, в котором будет доминировать творческая индивидуальность.

Мета-наука о человеке, как синтез всех наук о формах движения материи, будет содействовать воспитанию творческой индивидуальности личности, жизненному циклу её творческой деятельности, прогнозу и разрешению противоречий нового социума, становлению и прогрессу грядущей Глобальной-системы.

“ИРОНИЯ” ЗАПАДА И “ЮМОР” ВОСТОКА: ДРУГОЕ ВОЗМОЖНОСТИ “ГЛОБАЛЬНОГО” ПРОЕКТИРОВАНИЯ

В.В. Попов

(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)

В других краях,
Там, где не знают о буддизме,
Тоже цветут сливы и вишни.

Нанпоку
[8, с.361]

Дихотомичность идеальностей “Запада” и “Востока” может быть представлена не (только) как осмысление неких гипостазированных (социокультурных) самосущностей и их фундаментальных оснований и заданий структурности – в качестве “устойчивой” базовой оппозициональности, – а (и) в более “предельном” проявлении – как непосредственное амбивалентное основание возможности некоторой формы проектирования действительности. Того парадоксального “общего” “другого” (западного-восточному, восточного-западному), внутри чего и благодаря чему продуцируется любая (и западная,

и восточная) определенность. Так у каждого "Запада" есть свой "нелокализованный" "Восток", а у каждого "Востока" есть свой "рассыпающийся" "Запад".

Если такое двойственное – "западное ? восточное" – основание для своего конкретного выражения должно приобретать определенную ("одну") "объективированность"; но с сохранением всей специфики различения своих ("других") составляющих, то – возникает необходимость в соответствующих мыслительных стратегиях, которые бы имманентно учитывали указанную "двусоставность" и соотносились с ней. В таком случае, возможным может оказаться обращение к "двойной" направленности "фигур" иронии и юмора, отличающихся одновременной реализацией в них и утверждения, и отрицания: удвоенная коннотация "Запад"/"Восток", – перспективированные через "иронию"/"юмор". Пара в паре, двойное в двойном: "Запад"/"Восток"/"ирония"/"юмор". (Заметим, насколько (вот только, – иронично или юмористично?) подобная попытка "глобализации" возможной проекции рассмотрения, выходящей за "осязуемо"-конкретные географические и социокультурные рамки, сама требует такого перемежающегося чередования "закавычиваний": "Запад"/"Восток"(Запад/Восток) – через смысловые – ирония/юмор("ирония"/"юмор")).

Традиционно *ироническим* считается движение, состоящее в выходе за пределы данного к какому-то "высшему", "истинному", принципу или основанию, чтобы признать за действительностью лишь определенную "вторичность", "не-истинность". Соответственно, *юмористическое* движение не стремится к какой-либо "высоте" своей перспективы, а косвенно "обходит" реальность, принимая и углубляя ее проявления – своеобразное "нисхождение" от принципов реальности к ее следствиям. Заметим, насколько эти способы отношения к реальности "сразу" начинают "обобщаться", идеологизироваться, действовать идеологически. Преобладающие установки Запада как раз в большей степени реализуют логику иронии, а Востока – юмористическое движение. Если здесь за иронией признается большая степень экспрессированной активности, а за юмором, в таком смысле, – своеобразной пассивности, то это отвечает смыслам традиционных сравнительных противопоставлений: Запад – динамичный процесс производства материальных ценностей и Восток – первоочередная ориентация на воспроизводство самой жизни и ее сохранение, западная история – темпоральность, поступательное (стадиальное) развитие, восточная – с ее аисторичной пространственностью, или – западная экстравертированность и восточная интровертированность. Так же внутри любого "Запада" есть свой "Восток" – как фундамент воспроизводства, хотя сам "Запад" – как трансценденция – определенный "выход" за пределы того же "Востока".

Ирония реализуется в западных формах рациональности, где само *ratio* и становится тем "высшим", "абсолютным" принципом или референциальным основанием к которому и апеллирует иронический-западный дискурс. Известное: утилитарная декартовская рациональность, которая утилизирует саму же себя или референцирует сама только себя же. Х. Ортега-и-Гассет скажет о "состоянии обреченности на иронию". Отметим конкретную рефлексивную значительность иронических стратегий в современном западном философствовании, например, "иронический избыток реальности" в обеспечении процессуальности симулятивного как гиперреального у Ж. Бодрийяра [Например: 4] или концепцию "иронического либерализма" Р. Рорти [См.: 10; 11]. "Шире": ироничность Запада, "нашей постсовременной Современности" – это "сомнения" рационализма, сциентизма и цивилизаторского пафоса в самих себе, их обращение "против" самих себя – известная тотализирующая "ирония постмодернизма". Насколько же тогда здесь ("не")-иронична (или деиронична) в своем пафосе известная "деконструкция" (как в очень резонансном по количеству буквальных цитирований и как-то даже заметно очень радостно встреченном "авторском" признании, – у Ж. Деррида, – деконструкция – это "весьма изощренный" способ симпатизировать все тому же западному логоцентризму [7, с.168-169], еще больше приятельствовать с ним, даже "любить" его)? Собственно, констатация этой изначальной (само)проблемности иронизирования, его определенной исторической "обреченности", воплотившейся в преимущественном европейском способе мышления, или, более ближе в нашем контексте, – излишней, ограничительной *определенности*, – достаточно выразительна у Киркегора: "Ирония возникла из метафизического вопроса об отношении идеи к действительности; но метафизическая действительность лежит вне времени, и поэтому та действительность, которую искала ирония не могла существовать во времени" [9, с.189], воплотиться, исполниться в конкретном историческом времени. Так представляемое "время" иронии, оказывается отрицающим и непрерывность, текучесть исторического времени-изменения, – здесь нет такой непрерывной реальности, взаимосвязанности действительности как в традиционном представлении исторического, – а осуществляется постоянная форма, "картина" (конечно же, "картина мира, сущностно понята, означает таким образом не картину, изображающую

мир, а мир, понятый в смысле такой картины" [12, с.49]) противоречия, которое направленно отсылает, приоритетно референцирует, - соответственно, так и иронизирует - к некоторому полагаемому, подразумеваемому трансцендентному сосредоточению ("Мы воображаем, что все сосредоточивается в трансцендентности, и что не существует ничего, кроме того, что было помыслено в понятии трансцендентного" [4, с.159]), сосредоточению как локализованности, например, у Р. Барта: иронический код "... всегда что-то афиширует и уже самим этим фактом разрушает поливалентность, которой можно было бы ожидать от дискурса" [1, с.58], - и так своеобразно монологизирует дискурс в виде статичности выделенной отрицательности, достаточно однообразно динамической - в смысле определенности постоянной, одной направленности, инвариантного критицизма или поступательной референциальности трансцендентного негативизма. (Как еще одной выразительной рефлексивной проявленности того же фундаментального и имманентного "условия "отрицания"" у А. Кожева: "Человек, подвигнутый Желанием к активным действиям, стремится к удовлетворению его, что выполнимо лишь при условии отрицания, разрушения или, по меньшей мере, видоизменения объекта его Желания... Стало быть, всякое действие отмечено печатью "отрицания"" [Цит. по: 2, с.6-7]).

Метафизическая ироничность (или ироническая метафизичность) в этом отношении опять дает собой фундаментальный разрыв, дистанцированность, закладывая противоположенность, взаимонезотождественность исторического и идеального, конкретного и умопостигаемого, действительного и возможного, предлагая только философскую спекуляцию в качестве их самого соответственного способа опосредования, где тогда, возможно, сам "Субъект - это всего лишь фактор иронического явления вещей" [5, с.225] (и, соответственно, "на горизонте науки Объект предстает как все более неуловимый, неразделимый внутри и тем самым недоступный анализу, извечно переменчивый, обратимый, ироничный, обманчивый, забавляющийся всевозможными манипуляциями" [5, с.254]), и, в итоге, такое ироническое-как-идеальное теряет хоть какую-нибудь конкретную возможность реализовать себя в исторической реальности, относит себя в такую область, которой никакая действительность не может быть адекватной.

Восточный "юмор" может быть достаточно "прозрачно" представлен в "ситуации коана": как определенного выразительного интегратора таким образом понимаемой "восточности". Своеобразная игровая абсурдность юмора и создает парадоксальность дзэнского коана с его превалирующей юмористической "логикой абсурда" [Например: 8, с.353-368] - то магистральное здесь: "Когда пытаются увидеть высшее, падают ниже" (или тот же троп: "Он пытался улучшить статую Будды, но при этом нос отломался" [8, с.356]) - как насмешкой над всей "действительностью" и "нормальной рациональностью", когда именно скупулесным следованием проявлениям (их "ловят на слове", им "полностью" соответствуют и следуют буквально, "абсолютно") реальности, самой рациональности, их эрзац-юмористическому углублению и разрастанию и удается трансгрессировать нормы "здорового смысла". Коан, его смысловое построение здесь оказывается тем, что демонстрирует "абсурдность сигнификации и нонсенс денотаций" [6, с.184] (, но с необходимостью постоянной и обязательной "ремонстрации" как, например, это очень "объемно" происходит в сэню, сатирических хайку: наше эпиграфическое или же несколько "более" восточное - "С точки зрения буддизма / Вишневый цвет всегда / Вот-вот начнет осыпаться" [8, с.362]). В таких представлениях, юмор/"Восток" - фантазматичен, а ирония/"Запад" - симуляционна.

Двойственность "Запад/Восток" тогда дифференцируется на "западное" ироническое рассмотрение реальности с точки зрения ее принципов ("логика принципов") и "восточное" юмористическое - как рецепция ее же следствий ("логика следствий"), что и создает через такую иронико-юмористическую рефлексию в своем двойном-другом итоге саму действительность: некоторое содержание, всегда ускользающее, "зияющее" сдвигом "второго голоса", уклоняющееся от любого однозначного понимания. Такая содержательность претерпевает двойное преобразование - взаимодополнительное "оплотнение" западного/восточного, западного-как-восточного и дает при полагании всей своей различенности через взаимо-другость амбивалентную "сплошность" "Запада/Востока" как необходимый пример исключенности из модуса утверждения/отрицания, мышления без приоритетного, приоритетностью непосредственно и реализуемого противопоставления, как не только некоего альтернативного-"другого" мышления, но и - мышления из другого, другого создающего саму возможность таких определенных "альтернатив", только самой этой - одной - "альтернативой" и определяемых.

Литература

1. Барт Р. S/Z. - М., 1994.

2. Батай Ж. Теория религии // Батай Ж. Теория религии; Литература и Зло. – Минск, 2000. – С. 5-120.
3. Бодрийяр Ж. Америка. - СПб, 2000.
4. Бодрийяр Ж. О совращении // Ad Marginem '93: (Ежегодник). - М., 1994. - С.332-353.
5. Бодрийяр Ж. Прозрачность Зла. - М., 2000.
6. Делёз Ж. Логика смысла // Делёз Ж. Логика смысла; Фуко М. Theatrum philosophicum. – М., Екатеринбург, 1998. – С.13-437.
7. Жак Деррида в Москве: Деконструкция путешествия. – М., 1993.
8. Золотой век дзэн: Антология классических коанов дзэн эпохи Тан / Составление и комментарии Р.Х. Блайса. – СПб, 1998.
9. Киркегор С. О понятии иронии // Логос. – 1993. - № 4. – С.176-198.
10. Рорти Р. Постмодернистский буржуазный либерализм // Логос. - 1999. - № 9 (19). - С. 95-104.
11. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. - М., 1996.
12. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и Бытие: (Статьи и выступления). – М., 1993. – С.41-62.

“ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА” ИЛИ СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ МИРА ПРОШЛОГО

Н.В. Попова

(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)

Прошлое, рассматриваемое как встреча с чужим, создаёт прецедент обращения к историческим источникам, которые и стали предметом освоения для “первой” “исторической герменевтики”. “Герменевтика прошлого” или *историческая герменевтическая практика* не представляла центрального аспекта внутри проблемной концепции традиционной философии, так как она была ограничена нормативными текстами. Позже проблема герменевтики стала проявлять себя в философском проблемном сознании не только в областях, где необходимо было преодолеть некоторое расстояние (подобно тому, как преодолевалось расстояние при истолковании религиозных актов, текстов законов или иноязычных классиков), но и там, где целое поворачивается к предыдущим историческим преданиям с целью раскрыть сущность исторического мира. Герменевтический аспект, выходя за пределы догматики, становится настолько всеобъемлющим, что неизбежно включается также и в иные области жизнедеятельности человека. Для различных сфер человеческой деятельности необходимы различные техники интерпретации, для истории интерпретация является конструирующим мир прошлого способом.

В отличие от филолога, рассматривающего текст в качестве произведения искусства, “иного”, самодостаточного мира, историк пытается дополнить текст, обращаясь к историческому преданию в целом, которое необходимо истолковать, опосредовав настоящим собственной жизни, жизненно-практическим участием. Догматическая герменевтика исследует тексты (равно как и произведения искусства) не как гипотезы, но как самоцель. Она хочет понять предмет скорее ради него самого, поскольку тот является для догматики непосредственно настоящим. По сравнению с исторической наукой, литературоведение (как дисциплину догматической герменевтики) характеризует стремление актуализировать древние тексты, тогда как историческая наука может и должна перенести свой предмет исследования, то есть исторические события из далёкого прошлого в настоящее. В связи с этим рассмотрим такой пример. Музыкальные произведения Иоганна Себастьяна Баха, являются произведениями искусства, которые мы толкуем ради них самих (в нашей терминологии - толкуем их “догматически”). Письмо же Баха, напротив, в этом смысле является не произведением искусства, а историческим документом, который мы исследуем не ради него самого, а потому, что он знакомит нас с исторической ситуацией, в которой жил Бах. Изучая такое письмо, мы можем узнать, например, о неких событиях из жизни отправителя, о взглядах его на музыку вообще, или о его отношении к церковной музыке в частности, и, наконец, об употреблении слов 18 века.

Для историка нет ничего вне истории: “понимание совокупного хода универсальной истории поэтому может быть достигнуто только исходя из самой исторической традиции... Основой исторической науки, стало быть, является герменевтика” [1, 246-247]. Этим обусловлено стремление заглянуть

“за тексты”, которые стоят для историка в одном ряду с материалами, собранными археологическими экспедициями, так как требуется понять не только то, что они говорят, но и то, что в них и через них говорит о себе. Подобная попытка понимания требует беспристрастности, с которой следователь опрашивает свидетелей. Историк, “опрашивая”, добывает исторические факты и, благодаря пониманию их ценности, определяет значение и место того или иного факта в рамках исторического процесса, где текст – буква, обломок смысла, как, впрочем, и сам субъект для истории; истории, которую можно рассматривать в качестве некоего рассказа о событиях, оказывавших воздействие на субъективный опыт, вошедших в жизненный мир, имеющих значение для каждого индивида. “Не история принадлежит нам, а мы принадлежим истории, самосознание индивида есть лишь вспышка в замкнутой цепи исторической жизни” [1, 329].

Историк стремится всюду выискивать указания, способные что-нибудь сообщить ему о прошлом. Оспаривание положений методологического историзма ни коим образом не связано с попыткой устранить своеобразие исторической науки: её особую целевую установку, которая относится к осмыслению конкретного события и, следовательно, определяет те необходимые закономерности, которые позволяют обнаружить конкретные связи. Там, где принимается во внимание причинное пояснение какого-либо культурного явления, знание законов причины может быть вовсе не целью, а только способом исследования. Историзм долгое время определял толкование исторической исследовательской практики, с ним была связана своеобразная программа постижения не только исторической науки в узком смысле, но и гуманитарных наук в целом. По мнению Г. Альберта, методологическая концепция историзма состояла в оппозиции по отношению к “натурализму” постижения, который в области естественных наук разрабатывался под влиянием теоретической физики, которая, начиная с Ньютона, оставалась господствующим идеалом познания: программой теоретического толкования всех феноменов на основе закономерностей. Начиная с конца прошлого столетия, в общественных науках наблюдаются методологические разногласия. Но из-за этих разногласий меньше всего пострадала историческая наука, нежели другие общественные науки – прежде всего социология и экономическая теория, – так как историзм стремился все эти науки закрепить при помощи интерпретационной практики, тогда как “натурализм” настаивал на том, чтобы подвергнуть всё доминирующему в естественных науках идеалу теоретического толкования. В сущности, эта дискуссия всё ещё продолжается. Дебаты о понимании и истолковании не утихают и под влиянием герменевтических течений философии.

Греческое слово “история” одним из главных своих значений имело достоверное знание, то есть у-досто-веренное. Когда говорят, что история “объясняет” настоящее, то понимают под этим новую интерпретацию истории, возникающую, когда социум достигает эволюционной стадии своего развития. Прошлое “конструируют” заново, одновременно порождая псевдоисторическую литературу – миф. Реальная же история может быть представлена как совокупность текстов, в основе которых могут быть как реальные, так и вымышленные факты. Поскольку, например, содержание летописи может зависеть от обстоятельств, в которые был поставлен летописец, и не отражать действительные события. Все исторические тексты можно представить как своеобразную игру цитат прошлого, поэтому при “написании” истории первичными часто оказываются не столько сами исторические события, сколько идеи автора, толковавшего эти события. В этом смысле понятие “история” как кем-то рассказанный случай сближалось с понятием “эпистемы”, – знания, которое принимается на веру и в качестве условия своего существования предполагающее наличие Другого, который это знание и сообщает, транслирует, являясь одновременно гарантом его подлинности.

Если признать, что точки зрения авторов по поводу смыслов текстов прошлого зачастую различны, то потребуются усилия, для того чтобы понимать смысл старых текстов. Простое описание внутренней структуры данного текста и простая передача того, что говорит автор, ещё не является пониманием. История – это также понимание через слово, процесс вербального означивания данного в опыте, в практике. Задача в данном случае состоит в том, чтобы воспринять и понять то, что говорят нам тексты, интерпретировать их: вывести толк как живое и необходимое для нас значение этих текстов. Основанием истории являются факты как особые объекты, в которых человеческие помыслы, поступки и суждения о них слились на первый взгляд до полной неразличимости. “Исторические” факты не могут не подвергаться коррекции, которая возможна благодаря появлению новых результатов исследований. Кроме того, в историографии могут появляться и новые постановки проблем, выводы которых также можно рассматривать как гипотезы, а значит, подвергать критике-истолкованию. Тот факт, что историки передают своё изложение, в общем, не в форме эксплицитных, истолкованных аргументов, объясняется тем, что они зачастую должны довольствоваться апелляцией к привычкам по-

вседневной жизни, эксплицитность которых из-за их тривиальности только обременяла бы изложение. Номологический фон исторического изложения можно увидеть при анализе предпочтений изображаемых фактов. Обычно читатель в состоянии определить этот фон на основе своих собственных знаний. Во всяком случае, причинное значение определённых фактов в историческом мышлении можно обсуждать на номологической основе даже в том случае, когда эта основа проявляется в виде намёков, из чего следует, что "историческая герменевтика" как любая другая герменевтическая практика, обусловленная нашим жизненным опытом, стремится к тому, чтобы конструировать мир прошлого, сделав текст нужным сегодня.

Литература

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: Пер. с нем. - М.: Прогресс, 1988. - 704с.
2. Albert H. Kritik der reinen Hermeneutik: der Antirealismus und das Problem des Verstehens. - Tübingen, 1994.

ПЕРЕХІДНИЙ ПЕРІОД В ІСТОРІЇ СУСПІЛЬСТВА ЯК ПРОБЛЕМА ПЕРЕБУДОВИ САМООРГАНІЗАЦІЇ СОЦІУМУ

Є.В. Пилипко

(Харківський державний педагогічний університет ім. Г.С. Сковороди)

В сучасному світі, що постійно змінюється за принципами динамічної усталеності, людина постійно стикається з принципово новими ситуаціями, новими проблемами всіх сфер свого життя. Зрозуміти своєрідність таких новоутворень, прийняти стратегічно вірне рішення у швидкозмінюючихся умовах стає неможливим без певних філософських уявлень.

Проблематика перебудови соціума наприкінці ХХ – початку ХХІ ст. в умовах швидких змін відносно тривалості людського життя, ще ніколи не існувавших, стають поряд найважливіших питань, що супроводжували людство на протязі його свідомого існування. Вона допомагає глибоко усвідомити дійсність у єдності та різноманітності всіх сфер, зв'язків, міжсистемних відношень, зрозуміти мету існування людини, тому, що створюють умови усвідомлення, цілеспрямованості людської діяльності.

Перебудова постає необхідною складовою частиною заходів організації та самоорганізації складних, дисипативних систем. *Перебудова* – зміна характеру організації міжелементарних зв'язків певних рівней самостановлення систем. Перебудова, як така, може бути: 1) зовнішньою або внутрішньою, 2) фрагментарною або тотальною, 3) плановою поетапною або обвальною хаотичною. У всіх цих випадках сили суспільства спрямовані за двома векторами. Перший вектор – спрямування суспільних сил на зміну існуючої системи. Другий вектор протиспрямований першому, - орієнтований на зберігання старих субелементарних зв'язків. Можна зробити висновок, що характерними рисами соціальних систем є: а) консервативні тенденції самозберігання, б) спрямування до надбання більшої усталеності, за рахунок змін в характері міжструктурних взаємовідношень, що обумовлена постійно виникаючими умовами існування, в) спрямованість до постійного перетворення, в наслідок неможливого статично усталеного існування, та в наслідок постійного виникнення соціальних зворушників, джерелом яких є творча меншість. Система яка набуває жостких, статично усталених субелементарних зв'язків позбавляється життєво необхідної динамічної усталеності. Таким чином, прогресивні зміни складних систем є необхідною умовою їх існування та розвитку.

Перебудова має привести або до перетворення старої системи та виникнення нового аттрактору, або до повного руйнування первинної, початкової системи. Так процеси державної роздрібленості, на перший погляд, роздирають країну до стану фактичного зникнення, але насправді вони є продовженням складних процесів самоорганізації соціума. Вся, в минулому міцна, державна система не спроможна підтримувати власну єдність, за допомогою існувавших зв'язків дрібних підструктур, які клянувшись батьківську систему керування, на перших етапах свого існування, в подальшому вдосконалюють її у багатомірних варіантах.

Кожна мікроструктура колишньої загальнодержавної системи намагається поліпшити власне положення у конкурентній боротьбі з подібними мікроструктурами. Але характерним для суспільних систем є те, що досягнувши певного паритету вони починають виношувати ідею про відновлення державної макросистеми, але вже під власним керівництвом, за власним надбаним досвідом регулювання

внутрисистемних відносин. Безумовно та закономірно, що після надмірно жорсткого встановлення внутрідержавних системних зв'язків, як наслідок виникає спрямування, з боку елементів підсистеми, до їх послаблення. Дія породжує протидію. При умовах надмірного загальнодержавного пресингу підсистеми цієї держави, яким в наслідок необхідності існування потрібно мати резерви автономної дії, повстають реалізуючи латентне спрямування до певного рівня незалежності. Такі тенденції характеризуються бажанням компенсації всього втраченого, та інерцією дії, саме тому субструктури в наслідок боротьби отримують надмірну незалежність, вона є зайвою, що доводять більш пізні бажання до поєднання.

З вищесказаного ми можемо зробити висновок: система державного апарату виникнувши один раз, намагається трансформувати себе повсякчасно, навіть якщо, безпосередньо, держава перестає існувати як політичне формування. Подрібнення макросистеми не є знищенням, а лише трансформацією, перенародженням через вдосконалення мікроструктур. Таке вдосконалення не можливе без корінної ретельної перебудови міжструктурних зв'язків. Найбільш оптимально вдосконала мікродержава поєднує сусідні, та утворює макродержаву під власним керівництвом поширюючи свої методи керівництва на всі підлеглі структури. Загальний розвиток стає логічним ланцюгом самотрансформацій структур всіх рівнів організації. Питання викликає лише джерело "пасіонарного вибуху" [1], що поштовхує до розвитку всю систему в цілому та кожний її елемент окремо.

Перебудова характерна змінами зв'язків в ієрархічній системі суспільства. Поштовх до зміни походить або від нижчих рівнів ієрархії, або від її вищих шарів. Перебудова "зверху" називають реформами. Перебудова "знизу" – називають повстанням, бунтом, революцією. Переверот за своєю сутністю не є перебудовою суспільних відносин, це зовнішня зміна без внутрішнього нового змісту. Якщо наслідком перевероту є реформація суспільства, то такі реформи є поштовхом з вищих шарів суспільної ієрархії. Реформація суспільних відносин є наслідком передбачення структурами керівництва, на підставі соціального досвіду, можливого руйнування всієї системи, що викликає необхідність трансформації суспільства.

Всі повстання, революції, військові зворушення є результатом, з одного боку, загально соціального відчуття необхідності зміни існуючого становища, а з другого боку, відсутності реформаційної ініціативи правлячої меншості. Це при тому, що безініціативна меншість за своїм характером не схильна до насильницького впливу на економічно - політичні події [2,с.20-21]. Духовна середина соціуму, його менталітет постає фактором детермінації характеру перебудови суспільства. Методи реформування та реакція на них нетворчої меншості обумовлені духовною середою.

Одним з важливіших факторів вдалого реформування соціуму є роль особистості в історії розвитку людства. Людина може здійснювати творчі акти лише при наявності внутрішнього творчого потенціалу. Росповсюдження окремого творчого акту на макросистеми, породжує творче перетворення макро та мікрокосму, взаємодія стає наслідком нелінійного характеру зв'язків між системами Універсуму. Зовнішнє та внутрішнє самовдосконалення системи тісно пов'язані між собою, відокремити їх можна лише умовно та абстрактно, але виникнення принципово нового ми можемо дослідити від його джерела – творчої особистості. "Необхідність в наслідок якої творча особистість намагається перетворити інших, має як внутрішній, так і зовнішній характер" [3,с.256]. Внутрішній характер обумовлено самою сутністю спрямування особистості до самореалізації, хоча перепорою та необхідною умовою тут постає взаємодія з людьми, поля самостановлення яких перетинаються з полем дії особистості. Виникає найбільша трагедія людства в цілому, та геніїв окремо. Перед ними стає дилема або перебудувати суспільство навколо себе, або загинути під тиском суспільства що не бажає перетворюватися. Неможливо пере долати бажання перетворити інертне зовнішнє, після якісної прогресивної зміни внутрішнього світу. Поява великого генію, особистості, завжди викликає конфлікт у соціумі, розміри якого залежать від масштабів генію, самого конфлікту уникнути неможливо - це питання внутрішньої перебудови кожного на фоні умов, що змінюються. умови вже перетворились на дещо нове, конфлікт триває між внутрішнім генія, зовнішнім соціальним (під тиском генія) та внутрішнім світом індивідів, що постійно рухається у просторі, та часі.

Таким чином поступальний рух соціуму стає неможливим без підтягування нетворчої більшості на рівень творчої меншості, що практично вирішується, за доведенням Тойнбі, за допомогою мімесісу, який постає наслідком соціального досвіду більше ніж творчого усвідомлення.

У випадках коли конфлікт старого соціуму вирішується на користь загальної перебудови виникають проблеми наступного змісту.

Історичний досвід демонструє, що реформування суспільства, майже, не можливо без уникнення соціальних жертв. Перебудова великих, складних систем, пов'язана зі зміною старих шляхів надходження матеріального добробуту багатьох верств населення, до часу встановлення нових джерел. Першими страждають найменш захищені шари населення, рівень добробуту, яких, не є достатнім для накопичення резервів на "чорний день", а також розумово недостатні, інваліди, люди похилого віку тобто діє нездатні. Наступними, що несуть відчутні втрати, є ті члени суспільства, які відмовляються перебудувати систему власних відношень з оточенням, що вже реформується. Поряд з ними гинуть (фізично або функціонально) ті члени соціуму, що активно відстоюють колишній характер внутрішніх взаємостосунків. Таким чином ми можемо зробити висновок: передбачаючи будь-яке реформування, перетворці повинні враховувати всі можливі жертви, але це не повинно обмежувати самовдосконалення суспільства. Реформування як свідомий акт - необхідна умова соціального прогресу.

Наступна проблема: зміна системи світового сприйняття локальних цивілізацій - мають локальні наслідки, перебудова глобальної цивілізації - має планетарні масштаби. Не викликає сумніву, що система взаємостосунків людини та буття потребує сьогодні обов'язкового реформування. Те, що реформування необхідне, доводять критичні ситуації енергоресурсів, корисних копалин, проблеми демографічного рівня (надмірне зростання одних народів (Китай) та критичний рівень самовідтворення інших (Україна, Німеччина, країни Західної Європи)), напруження та криза загальносвітового політичного театру (постійні війни у всіх регіонах світу), зовнішнього та внутрішнього напруження мілітаристичних структур, критичний стан екології. Практично всі сфери життя людини знаходяться у стані близькому до безконтрольного розпаду всіх зовнішніх та внутрішніх зв'язків. Важко уявити, що у сучасній цивілізації, яка знаходиться на стадії становлення глобальної, загальнопланетарної [4,с.21], знайдуться сили які будуть здатні *реально*, послідовно реформувати всю систему світових взаємовідносин на всіх спотворених рівнях. Або, поки що, вони не відомі.

Охоплюючи всю загальносвітову ситуацію в цілому можна, без перебільшення, сказати: загальнолюдська цивілізація у її презентованому вигляді близька до критичного становища, за яким можливим стає лише невеликий, але достатньо енергетично могутній, флуктуаційний вибух, або серія вибухів, які приведуть до початку хаотичного перебудування всієї планетарної системи, з непередбачуваними біфуркаціями. Непередбаченими в наслідок нелінійності та одномоментності хаотичних процесів. Хаотичними в наслідок відсутності контролюючих сил. Висновок: апокаліпсису, як що під цим розуміти тотальне стихійне перетворення всієї системи стосунків буття та людини, на даному етапі становлення людства уникнути неможливо. Яким буде світ після глобальної перебудови ми можемо лише здогадуватись, але сьогодні можна сказати, що майбутній апокаліпсис буде не кінцем світу, а кінцем темряви.

Відповідальність за власні дії, в період масових зворушень, у ракурсі синергетичних досліджень, лягає тепер на кожного учасника перетворення. Яким би чином натовп не діяв, відповідальність за її вчинки несе кожний з її членів. Хвилі зворушення стикаючись з суб'єктом втягують його у взаємодію. Саме від суб'єкта залежить чи піддається він зворушенням такого роду, і таким чином не тільки відходить від ситуації, але й частково поменшує вплив зовнішнього, бо зовнішнє використовує на нього власну енергію, на своєму реактивному рівні, або приймає участь в цьому хвилювальному русі, і тоді він не лише використовує енергетичний імпульс загального руху, але й додає власних зусиль, що збільшує вплив зворушення на оточення. Таким чином ми бачимо, що суб'єкт не може залишатися безгласним, навпаки, він стає активним співучасником у будь-якому соціальному зворушенні, особливо це стосується проблем реформування, як проблем спрямованого зворушення, людина не може залишатися поза реформацією суспільства.

Відповідальність за сучасне лягає на сучасників, в наслідок його прямого або посереднього зв'язку з усіма елементами соціуму. Відповідальність сама по собі не викликає сумніву, але її міра та механізми встановлення знаходиться в області нового дослідження. Особливо значним залишається лише те, що усвідомлення особистої відповідальності кожного за всі світові процеси непомітно приводить до становлення нової етичної, моральної, духовної парадигми суспільних взаємостосунків.

Література

1. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. - 495с.
2. Гозман Л.Я. Психология перехода // Вопросы философии. - 1995. - №5. - С.19-21.
3. Тойнби А. Дж. Постигание истории. - М.: Прогресс, 1991 - 736 с.

ТЕОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ - В ПОИСКАХ НОВЫХ ПОДХОДОВ

А.А. Баталов

(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)

Обращение к термину «цивилизация» и формирование цивилизационной теории происходило в рамках двух параллельно развивающихся направлений западной общественной мысли и науки. Первое направление было призвано выявить закономерности феноменального развития индустриального общества, которое за период XVII-XIX в.в. коренным образом преобразило облик Западной Европы и наделило её способностью распоряжаться судьбами многих народов земного шара. Определяющим началом для этого направления выступали: материальное производство, экономика, способ хозяйствования и порождённые ими отношения (в частности, была разработана концепция модернизации). Второе направление, опирающееся на гуманитарные методы исследований, должно было раскрыть человеку современного Запада многообразие мира в его социальных и культурных измерениях. Именно в рамках гуманитарных дисциплин происходило интенсивное накопление знаний о религиях, языках, литературах, философии, истории и т.д., что породило богатую компаративистику, привело к формированию комплекса ориенталистики, американистики, африканистики, исламоведения, индологии, буддологии, китаеведения и т.д. [6, с.26].

Идею «цивилизации» (в единственном числе) развили французские и английские мыслители XVIII века (с 1756 года) в противовес понятиям «варварство» и «темные века» феодализма средневековья; «цивилизация» становится главным идеалом развития человеческого общества, возникает представление о едином стандарте цивилизованности. «Цивилизованное мышление» должно было выработать развернутые обоснования европейской гегемонии в мире [6, с.17]. Цивилизованное общество отличалось от примитивного тем, что было оседлым, городским и образованным. Культура в приведенном значении выступает как компонент цивилизации: и то и другое означает развитое состояние человеческого общества, результат деятельности рук и ума людей. Но постепенно между двумя терминами устанавливается различие. Термин «цивилизация» обычно относится к целым народам и странам в их развитом состоянии (общества, которые «цивилизировались первыми», обычно это Франция и Англия), термин «культура» — прежде всего к той форме степени духовности, в которой выражаются высшие достижения цивилизации [6, с.11]. Идеи французских мыслителей были продолжены в работах ученых XIX в., базировавшихся на идее прогресса общества: эволюционный подход (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм) и революционный подход (К. Маркс).

Только в 1819г., констатирует Л. Февр, слово «цивилизация» впервые употребляется во множественном числе [6, с.11]. В поле зрения ученых появилось много цивилизаций, каждая из которых была цивилизована по своему. Цивилизация в единственном числе потеряла свои свойства пробы качества, а цивилизации, о которых говорят во множественном числе, могли оказаться весьма нецивилизрованными в том смысле, который передавался единственным числом.

Циклические теории (О. Шпенглер, А. Тойнби) рассматривают отдельные типы цивилизаций, как исторически замкнутые образования и анализируют циклы их развития. В ходе своего существования все цивилизации проходят через некие эволюционные фазы: рождение, взросление, зрелость, старость, смерть. Исследователи обычно сходятся в идентификации важнейших исторических цивилизаций и тех, что существуют в современном мире. Расхождения касаются лишь общего числа существовавших в истории цивилизаций. Например, Квигли составил 16 явных исторических случаев и 8 очень вероятных дополнительных, О. Шпенглер выделял 8 культурно — исторических типов.

Немецкие мыслители XIX века впервые провели резкую грань между цивилизацией, включающей механику, технологию, материальные факторы, с одной стороны, и культурой, которая включает ценности, идеалы и более высокие интеллектуально-художественные, моральные качества общества, — с другой. О. Шпенглер в работе «Закат Европы» трактует цивилизацию, как определенный, заключительный этап развития культуры. В пределах общего цикла эволюции каждой из цивилизаций выделяются два главных этапа: восхождение культуры (собственно культура) и этап ее нисхождения (цивилизация). Основные признаки последней: развитие индустрии и техники, деградация искусства и литературы, про-

цессы «омассовления», возникновение больших городов, глобализация форм и способов человеческого существования, проявляющаяся в хозяйстве, политике, технике, науке. Шпенглер сравнивает Западную цивилизацию с Греко-римской: Греция и Европа – это культура, Рим и США – цивилизация. [12, с.38]

А. Тойнби в отличие от Шпенглера называет цивилизациями все типы культур. Критерием развития цивилизаций он считает наиболее полное развитие внутреннего самоопределения, заложенного в данной цивилизации [7, с.250]. В отличие от фаталистической концепции Шпенглера, А. Тойнби признает за человечеством способность к свободному самоопределению. Динамика цивилизации (ее возникновение, рост, «надлом», упадок и разложение) определяется у него «законом вызова и ответа», согласно которому каждый шаг вперед связан с адекватным «ответом» на «вызов» исторической эпохи. Адекватный ответ – заслуга «творческого меньшинства», которое властвует вначале силой своего авторитета, а затем – опираясь на материальные инструменты власти и, прежде всего, на силу оружия. Банкротство «господствующего меньшинства», неспособность справиться с новыми возникающими проблемами приводит к «надлому», а затем и к окончательной гибели цивилизации. Недостаток данного направления цивилизационных теорий заключается в том, что в них делался акцент на такие неverifiedируемые понятия как «дух», «духовность».

В качестве отцов – основателей «современной» цивилизационной теории принято называть прежде всего М. Вебера, Н. Элиаса, Ш. Эйзенштадта, С. Хантингтона, в работах которых происходит переосмысление предыдущих цивилизационных концепций. В концепции Ш. Эйзенштадта существенные изменения претерпевает концепция цикличности в жизни цивилизации: каждая историческая цивилизация сочетает в себе набор многих вариантов (например, «закат» и «бессмертие»), создающих возможность поворота в разные стороны. [13, с.398]. Динамика развития цивилизации – не развертывание изначально присущих ей духовных или социальных особенностей, а переменная, зависящая от характера идеологических, структурных связей и взаимодействия между различными очагами политической власти и конфликта, движениями протеста, принятия решения личностями, поставленными в определенные исторические условия. Расхождения в этих условиях приводит к существенным различиям в судьбах обществ, относящихся к сходным цивилизационным регионам. «Осевое» миропонимание, сформировавшееся в духовном поле между трансцендентным и мирским порядками, обосновало формирование принципиально новой общности – цивилизации, выходящей за рамки всех локальных и функциональных ограничений [13, с.396]. По мнению Ш. Эйзенштадта, великие революции непосредственно связаны с процессами, протекающими в лоне «осевых» цивилизаций, стали продолжением и завершением движений инакомыслия и протеста, возникавших в обществах на протяжении веков. Эти движения были направлены на реализацию иного социального строя, отвечающего представлениям, ориентация и потенциям, возникшим в пространстве «осевой» духовности. Модернизация – «вызов», на который каждое общество дает «ответ» в соответствии с принципами, структурами и символами, заложенными в его достоянии в результате длительного развития. Одним из проявлений модернизации стали движения протеста, принимавшие в ряде случаев характер революций [13, с.14]. Ш. Эйзенштадт поддерживает вывод М. Вебера о том, что именно Европа породила модернизационный процесс, дала толчок его распространению в других странах, однако подобие этих процессов не устраняет цивилизационных отличий, так как модернизация носит структурный характер и сопровождается цивилизационным отторжением Запада.

С. Хантингтон в теории «столкновения цивилизаций» подчеркивает роль культурной самоидентификации при определении границ локальных цивилизаций, анализирует факт превращения этих границ в место политических столкновений, а также феномен «расколотых цивилизаций», включающих территории с различной культурной идентификацией населения. По мнению ученого, модернизация представляет собой явление, отличное от вестернизации (принятие западных ценностей, норм), она не порождает универсальной цивилизации и не приводит к вестернизации незападных обществ. В современном мире формируется мировой порядок, основанный на отношении между цивилизациями; общество со сходной культурой сотрудничают друг с другом, страны группируются вокруг ведущих или центральных государств своей цивилизации. Универсалистские претензии Запада все больше приводят его к столкновениям с другими цивилизациями, особенно с исламским миром и Китаем [6, с.508].

Одной из «альтернативных» теорий цивилизаций является концепция Л.Н. Гумилева, который связал неравномерность, цикличность, скачкообразность исторического развития цивилизаций в разные эпохи и в различных регионах с неравномерностью распределения биохимической энергии живого вещества биосферы. Эффект, производимый вариациями этой энергии, Л.Н. Гумилев назвал «пассионарностью». В этом явлении он видит ключ к разгадке тайны социально-исторической динамики [2, с.33].

В последние десятилетия повышается роль микроистории в структуре науки, происходит переосмысление традиций теории цивилизаций. П. Кастелло в работе «Историки-глобалисты и их цели: ответы XX века на вопросы модернизма», происхождение идей Г. Уэллса, О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина, Л. Мамфорда анализирует с психоаналитических позиций, устанавливает связь этих идей со сложными условиями жизни и особенно детства названных мыслителей. Личные проблемы оказываются при этом стимуляторами попыток разрешить глобальные проблемы человечества, но одновременно помехой для подлинно глубоких размышлений [3, с.133]. Характерна также статья Г. Хьюза «Компонент истории повседневности в цивилизационном анализе». Ученый прослеживает, как сами конкретные исследования начиная с XVI века, публикация воспоминаний путешественников и первые исторические работы, касающиеся культур Китая, Египта, Индии, подъем интереса к частной жизни в Европе и окружающем ее мире стимулировали развитие новых направлений в теории цивилизаций, использует такие редкие источники по истории цивилизаций, как путеводители, иконографию, словари и энциклопедии, социологические вопросники и обзоры, а также опыт изучения этих материалов Б. Малиновским, Т. Харрисоном, Д. Горером, К. Мартином [3, с.133]. Немецкий историк Й. Рюзен делает попытку сравнить историографические традиции различных цивилизаций, сопровождающуюся созданием методологической основы для такого анализа; ведет поиск альтернативных комбинаций культурных элементов, родственных в сравниваемых культурах, создавая общее основание для сопоставления исторически особенного: ощущение дистанции во времени, наличие исторического нарратива, идея смысла истории (выраженная в терминах «дао» или «прогресс»), ее воплощение в концепции исторического времени, выступающей как предпосылочное историческое знание данной культуры. На этой основе можно сравнивать европейские и китайские понятия традиции, прогресса, революции, реставрации и т.д. [3, с.134].

Литература:

- 1 Бжезинский З. Великая Шахматная доска. – М.: Международные отношения, 1999.
- 2 Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л., 1990.
- 3 Ионов И.Н. Теория цивилизаций на рубеже XXI века // Общественные науки и современность. - 1999. - № 2.
- 4 Неклесса А. Конец цивилизации, или конфликт истории // Мировая экономика и международные отношения. - 1999. - № 3, № 5.
- 5 Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. – М.: Норма, 1998.
- 6 Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов/Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасова. – М: Аспект Пресс, 1998.
- 7 Тойнби А. Дж. Постигание истории, пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991.
- 8 Тойнби А. Дж. Цивилизации перед судом истории. – М., 1996.
- 9 Хантингтон Сэмюэл П. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка // Pro et Contra. - 1997. - Том 2. - № 2.
- 10 Цивилизации. Выпуск 3. - М.: Наука, 1995.
- 11 Цивилизации в современном мире. АН СССР, Институт философии, Москва, 1983.
- 12 Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. – Минск, 1998.
- 13 Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. М: Аспект Пресс, 1999.

ГЛОБАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УКРАИНЕ

Н.Е. Кондратенко
(Харьковский военный университет)

Ведущей мировой тенденцией в развитии образования является его "гипер-демократическая" глобализация на основе небывало широкого доступа к информационным ресурсам и самым передовым технологиям обучения. Данная тенденция отчетливо проявляется в стремлении государства дать высшее образование практически каждому своему гражданину, что позволяет занять ключевые, доминирующие позиции в мировом разделении труда: не за счет военной силы и традиционных материальных ресурсов, а благодаря высоким технологиям.

Рассмотрим место и перспективы Украины в глобальном процессе формирования глобального информационного общества, уточнив сам термин "информационное общество".

Идея информационного общества была высказана и разработана в социально-футурологическую концепцию в 60-90-е годы XX в. Д. Беллом [1], З. Бжезинским [2], О. Тоффлером [3], и др. В Советском Союзе вплоть до его распада она воспринималась "в штыки", поскольку явным образом противоречила сложившемуся в нем идеологическому монополизму и информационной "закрытости". Причины этого негативизма станут понятны, если мы обратимся к базовым чертам информационного общества, которые можно представить следующим образом.

1. *Теоретическое знание как определяющий фактор всей общественной жизни.* Оно вытесняет как ручной, так и механизированный труд в роли системообразующего фактора стоимости товаров и услуг, так как экономические и социальные функции капитала переходят к информации. Как следствие, промышленное предприятие и, соответственно, материально-предметный труд (а, значит, и "рабочий класс" вместе с его партией) утрачивает главенствующую роль. Главным же социальным институтом становится университет (здесь и далее под "университетом" понимается любая продвинутая высшая школа) как центр производства, переработки, накопления и распространения информации через знание.

2. *Количество и качественный уровень знаний – определяющий фактор социальной дифференциации, стратификации.* Деление на "имущих" и "неимущих" в информационном обществе приобретает принципиально иной характер по сравнению с обществом индустриальным: информированные образуют его привилегированную часть, тогда как неинформированные превращаются в "новых бедных". Поле "всемирно-исторической" борьбы и социальных конфликтов перемещается из экономической и военно-политических сфер в сферу образования, науки и культуры. Результатом же этой борьбы и разрешения конфликтов становится бурное развитие новых и упадок старых социальных институтов.

3. *Инфраструктура информационного общества – принципиально-новая "интеллектуальная", а не "вещественная" техника.* В государствах, вовремя разглядевших и "оседлавших" новую историческую волну, социальная организация и информационные технологии образуют неделимый "симбиоз", благодаря которому социальные процессы становятся "открытыми", демократически-программируемыми и управляемыми по законам социальной инженерии.

Реальный процесс вхождения в информационное общество даже в тех странах, где для него уже имелись оптимальные условия, оказался не столь простым и однозначно совпадающим с футурологическими прогнозами его идеологов. Например университеты еще не заменили промышленные корпорации и банки в качестве базовых институтов "нового общества", хотя уже вполне зримо потеснили их. В условиях демократии социум не стал тотально-программируемой системой институтов, о которой писали его теоретики. Зато, по признанию одного из идеологов "информационного общества" А. Турена [4], в развитых странах общество уже похоже на поле дебатов и конфликтов по поводу социального использования теперь не столько материальных, сколько символических благ, к числу которых относится образование и образованность.

Несмотря на обильные декларации политических лидеров и ангажированной ими прессы, в постсоветских государствах общая установка по отношению к этому типу социальной организации по-прежнему остается все той же резко-негативной, так как вхождение Украины в мировое информационно-образовательное пространство сопровождается комплексом объективных и субъективных факторов. Важнейшие, по нашему мнению, следующие.

Общей объективной доминантой является глубокий системный макроэкономический кризис, осложненный как ошибочными реформаторскими импровизациями, так и злоупотреблениями некоторых властных структур, которые, не контролируются обществом.

К производным объективным факторам прежде всего относится унаследованная от социализма жесткая централизация и регламентация образовательных институтов, принципиально несовместимая с той автономией и академической свободой, которая характерна для высших школ Западной Европы и Северной Америки. Сохранение этих рычагов мотивируется инерционной необходимостью "держать на плаву" образовательные учреждения с некогда высоким рейтингом, посредством механической государственной поддержки в ущерб органичному развитию новых образовательных институтов и форм обучения.

Вторым объективным фактором является существенное постарение профессорско-преподавательского состава вузов, который вынужден мириться и с падением своего социального статуса, вызванного общей экономической депрессией. Этот морально устарелый контингент, по меньшей мере половине которого следовало бы при более благоприятных экономических условиях находиться на

достойной их прошлым заслугам пенсии, продолжает занимать ключевые позиции в системе образования и с каждым днем все глубже увлекает ее на дно информационного общества.

Третий объективный фактор сопряжен с отсутствием возможностей для талантливой молодежи самореализоваться в академической среде хотя бы в плане чисто карьерном. А молодые люди, которые обзаводятся семьями, не видят перспективы обеспечить их пристойное существование. Сегодня молодежь уже нельзя принудить заниматься наукой и отнестись всерьез к ничтожной надбавке к зарплате за кандидатскую степень в \$20, ни к аналогичной надбавке за профессорское звание. За докторскую степень в Украине ничего не платят, а получить ее возможно лишь после защиты трех подготовленных аспирантов, написание нескольких монографий, учебных пособий, создание своей "научной школы". Если воспользоваться терминологией Маркса и сравнить объем выполняемой работы и величину реального вознаграждения в виде заработной платы, то только *чистая норма эксплуатации* профессорско-преподавательского состава в Украине по сравнению с 1991 годом возросла в 12 раз.

К субъективным факторам следует отнести отсутствие политической воли к построению информационного общества, отсутствие единой национальной идеи, способной объединить разные социальные группы ради общей цели (как это было в период восстановления после второй мировой войны не только в Германии или Японии, но и в СССР), традиционная недооценка социально-гуманитарной мысли и ее представителей.

Украине предстоит осуществить полную и всеобъемлющую реформу образовательного поля, посредством новых технологических методов инструктирования изменить содержание и способы передачи образовательной информации, внести в мир-системное информационное общество его базовую составляющую — производство интеллекта, развитие интеллекта учащихся [5]. Для этого, в первую очередь, необходимо:

сформировать законодательное поле, соответствующее новым глобальным трансформациям в стране, кооперации национальных интересов, особенностей постсоветского капитализма и, соответственно, в образовательной сфере;

усилить общественное влияние в свете развития макросоциологической теории на разработку и внедрение прогрессивных управленческих решений в области образования.

Литература

1. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. N. Y., 1973.
2. Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. N. Y., 1970.
3. Toffler A. The Third Wave. N. Y., 1980.
4. Touraine A. The Waning Sociological Image of Social Life // International Journal of Comparative Sociology. - 1984. - Vol. 25. - No. 1.
5. Прайваатер П. Технология и будущее высшего образования // Journal of higher education. Columbus. - 1999. - Vol. 79. - No. 1. - P. 60-79.

КАК ВОЗМОЖНО СООБЩЕСТВО?

И.В. Минаков

(Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина)

Кто образует сообщество? Или: как может сообщество образоваться? Каковы онтологические возможности *состояния* сообщества, т.е., того, что сообщество состоится? Может быть, для образования сообщества необходимы такие режимы и акты, субъекты которых принципиально не могут составить сообщества? XX век, век инфляционно прогрессирующей социальности и социологичности, приучил нас думать, что пространство общественного существования в каждой своей точке занято и переполнено идентичностями. Оно буквально ломится от национальных, классовых, профессиональных, возрастных, политических, сексуальных, религиозных отождествлений, так что само кажется образованным этим расталкивающим переполнением, как Лейбницево пространство — порядком следования вещей.

Нам представляется, что индивид обречен, так и не осознав себя таковым, слиться с некоторой идентичностью, либо бесстрашно и... бесполезно противопоставить себя наличному набору идентичностей во имя новой идентичности. И в том и в другом случае идентичность в качестве конститутивного принципа социальности празднует победу.

Однако не должны ли мы, как бы это ни было трудно, признать, что проблема отношений "индивид-среда" есть пошлая проблема. Пошлость - это подмена максимального сознательного усилия квазизжизненными имитациями. Поэтому пошлость опускает в то, что ниже самой жизни. Жизнь - отданность существования на откуп времени или следствие/цена *незнания судьбы*; судьба - вне времени и разрушает время. И поэтому жизнь - складывание сознательно непережитого в прошлое. Говорят: бремя прошедших лет. Пережитое никогда не становится прошлым! А *неуспевшие* стать твоим сознательным опытом твои обстоятельства - складывают груз твоей прожитой жизни. Точнее сам факт непереживания создает само отношение, ситуацию "неуспевания", т.е., когда мы уже в жизни - в потоке времени. Пошлость же есть имитация окостенелостей прошлого в качестве оснований существования: не само прошлое, которое сложилось потому, что не было стягивающей точки сознательного акта, а искусственная и направленная имитация того, что не сложилось даже как прошлое.

Проблема "индивид-общество" отмечена пошлостью, поскольку "индивид" появляется здесь только как функция и инструмент "общества", как удобная разменная монета. Он, таким образом, *исчезает*. Индивид-в-собственном, индивид как онтологическое происшествие - *несоизмерен* обществу. Индивид ведет войну на ином фронте. Идентичности только тогда гармоничны (не разрушают целого, в котором они функционируют), когда проведена работа редукции идентичности. Если это не так - нужно вести речь о дефиците жизни, о пошлости или об "объективном идиотизме" [1, с.154]. Потенция идентификации должна завязываться в измерении работы неидентифицируемого. Только в этом случае идентификация и идентичность имеет жизненную силу живого сознания. Но тогда это не есть уже, по существу, идентификация.

Иными словами, феномен общества на онтологическом уровне складывается не как переплетающийся пучок отождествлений, а как пересечение, перехлестывание индивидуальных "мировых" работ, неких "треков" максимального или предельного существования, всегда собственных и отдельных, так что их субъекты принципиально *не в состоянии* сказать друг другу "мы". Принципиально в том смысле, что включение в какое-либо "мы" (или "Я", когда речь идет о самоотождествлении, что, по существу, одно и то же) мгновенно разрушает ситуацию и режим самого субъекта такой работы. Только потом, в описательном внешнем исследовании, например, в политологии, социологии, культурологии, истории (но не в самой жизни!), мы можем употреблять термины идентичности, но не раньше, чем указанная работа произошла, и имея в виду ее настоятельную необходимость и ее типаж. Иначе идентификация - способ ухода от ответственности предельного существования. Или - средство жизни. Идентичность есть то, что для пребывания непригодно. Знающий знает один и только один. Пребывающий пребывает один и только один.

Не является ли вся эта лавина отождествлений, эти грандиозные массивы современных идентичностей вместе с волей к их размножению, а так же, на уровне исследования, - к их таксономированию, классифицированию, структуризации и концептуализации - не является ли все это одним большим множественно-сообщенным симптомом дефицита жизни сознания? И не является ли социальная фигура, социальная позиция философа символической фигурой измерения жизни сознания? И постольку символом подлинных оснований сцепления гео-этнической наличности в общество? Не является ли его социальный силуэт указанием на то, что идентификация, как таковая, не может стать элементом живого опыта сознательного существования. И это постольку, поскольку условие бытийственной жизни - принципиальная невозможность *идентифицировать себя*. Может быть, в той мере, в какой держится то, что принципиально не может составлять сообщества, продуцируется по-настоящему живое общество?

Философ не только пребывает (если повезет, конечно) в таких состояниях, но и фиксирует их. То есть, его пребывание имеет формат засекание состояний пребывания (на себе). И, соответственно, его фигура дважды символична для общества. Один раз - в смысле социальной позиции и социального действия. Другой раз - в смысле реализованных результатов философствования. 1. Философ (как таковой) не вписывается (*не вписывает себя*) в социальные структуры и ролевые игры, стоит особняком. 2. Его результаты - симптомы *жизненности* самого общества. И одновременно это оборачивается специфической терапевтической работой по поводу этой жизненности: философ, собственной социальной фигурой, утаивает от манифестации (в идентификациях?) саму общественность общества, и этим держит ее, пока стоит и работает, как Всевышний утаивает себя от манифестации актом смещения языков, сохраняя и поддерживая этим всеобщую экономию мира.

Литература

1. Пятигорский А.М. Философия одного переуллка. - М.: Прогресс, 1992. - 160с.

Розділ II

Питання політології

UKRAINE IN THE WORLD ECONOMY

Marko Bojcun

(University of North London, United Kingdom)

Introduction

The past ten years have seen the renewed development of capitalism in the countries of Central and Eastern Europe, Central Asia and the Transcaucasus, and their steady integration into the world market. It still remains unclear where all the individual states that emerged in the wake of the collapse of the Soviet bloc will eventually settle in the hierarchy of the world capitalist order. Or how they will become grouped into regional markets and security regimes on the continent of Europe and Asia. The countries of Central Europe are moving quite rapidly towards integration with Western Europe. Countries east of Central Europe face much greater uncertainty. This article examines the recent entry and insertion (the "push and pull") of one of the more easterly states - Ukraine - into the world market. One side of the renewed development of capitalism in Ukraine concerns the domestic process, which I have examined in a separate article [1]. The other side concerns the interaction of the global economy with the national economy and the state, which is the focus of this article.

The state

A Ukrainian state has hardly played - until the last decade - any role in the development of a national capitalist economy in Ukraine or influenced its place in the international division of labour. It is significant that the year 1648 marks both the birth of the contemporary interstate system and the beginning of the first failed attempt in the modern era to establish an independent state centred in Kyiv. With its eventual failure - by the end of the 17th century - ended the first major phase of wage labour and commodity production in Ukraine and long distance trade with Western Europe. The greater part of Ukraine was absorbed into the Russian Empire, which had codified serfdom in 1648 and would retain it until 1861.

The second major phase took place in the late 19th and early twentieth centuries when Western finance and the Russian state jointly undertook industrialisation and the commercialisation of agriculture in the Ukrainian provinces of the Russian Empire. The absence in this period of a Ukrainian state, and indeed the relative weakness of the Russian state among the Great Powers, helped shape this phase of capitalism as one marked by features of dependency: the expatriation of surpluses, underdeveloped end product and consumer goods industries, land hunger and weak domestic demand. Nevertheless, the joint effort of Western finance capital and the Russian state in these four odd decades to invest in and build an industrial sector and commercial agricultural sector meant that Ukraine became one of the six, and arguably the most dynamic, centres of capitalist development in the Russian Empire. This placed it firmly into the semi-periphery of the evolving world capitalist economy at the beginning of the 20th century, albeit as part of a multinational and imperial Russian state [2].

The present, third phase of capitalist development in Ukraine is occurring in the presence and under the influence of a nation state. However, the Ukrainian state, beginning as a territorial administrative division of the Soviet state, is at a fairly nascent state of institutional development, and the decade long economic crisis has slowed down that development. Moreover, throughout much of the 1990's the state leadership progressively withdrew both from state ownership and from state regulation of the economy. In effect, the Ukrainian elite divided functionally into political, state-administrative and economic branches; economic activity acquired an autonomy from state regulation that was unprecedented since the 1920's.

Nevertheless, the Ukrainian state in the past decade has been a key factor in launching a national capitalist class (through the privatisation programme), the development of a national market (securing borders, creating the national currency, regulating imports and exports, licencing) and increasingly in elaborating a national economic strategy of recovery and competitiveness in the global economy. The most recent national strategy was elaborated in the programme of the President's Administration, entitled "Ukraine: Progress in the 21st Century" in February 2000 [3].

The state in Ukraine may be viewed as an institution that influences the development of the country's economy and society and that projects the country's interests internationally. One may also regard it as the instrument of a particular social layer - the "elite", which over the past decade has used the state institutions in various ways to ensure its preeminence, including the transfer of wealth from the nationalised sector to their private ownership. Still another view is to see the nation state, operating within a globally integrated economy, as an institution that is obliged also to project the interests of for-

foreign capital, international financial and regulatory institutions such as the World Bank and the International Monetary Fund into its own territory and society. Obligations assumed in return for investment, economic assistance and membership in international financial and regulatory institutions have a direct bearing on the domestic economy and state social policies, as well as on the development of democratic institutions and practices. International obligations divide the loyalty of national elites between their national constituency and their international patrons. Christopher Chase Dunn suggests that peripheral and semi-peripheral states are more likely than core states to become authoritarian. He explains this tendency by the former states' dependence on foreign capital, which in times of tension leads to the political exclusion, and possibly repression as well, of groups that oppose the priorities of foreign capital operating inside their country [4]. In the case of Ukraine, this phenomenon was evident in the erosion of democratic rights in the late 1990's, which facilitated the government's pursuit of the unpopular austerity measures that were demanded by Ukraine's foreign creditors.

The former Soviet bloc enters the world economy

The Soviet bloc broke up at a world historical point in time marked by overproduction (in terms of capacity of the world's people to pay, not in terms of their consumption needs) and a large overhang of finance capital seeking new opportunities for investment. These imbalances between world production and consumption and between the availability of investment capital and the opportunities for productive investment influenced how the core capitalist states, transnational firms and international financiers would exploit the newly opening markets of the post-Soviet area. Essentially, these territories were (and still are) considered as new markets of consumers, as additional sources of fossil fuels and raw materials and as debt markets. On the whole, they were not considered as a terrain of productive investment. Rather, they even appeared as a competitive threat to Western producers.

The economic division of labour and trading regime of the Soviet bloc in the form of Comecon did not survive the break-up of the bloc as a political and security entity. Each state, new and old, now bore liabilities in terms of incomplete production cycles and skewed economies from the perspective of their national-territorial coherence that could be overcome only by forging ties with other national and regional economies. Each state faced entry into the world capitalist economy on its own. The whole region experienced significant economic disruption and decline in the course of transition from the largely autarchic Comecon to the open seas of the world market.

The nature and extent of international assistance to the post-Soviet bloc countries has been quite different to the American assistance offered to Western Europe under the Marshall Plan after World War Two. The Marshall Plan extended a sum of assistance equivalent in current value to \$75 bn, the bulk of which was spent in the first four years of the Plan. Total committed aid to the former Soviet Union under the EU's TACIS programme amounted to \$3.7 bn for the whole of the 1990's. Total EU commitments under the PHARE programme to East Central Europe for the same period were \$10 bn, but as of 1997 less than half had actually been spent. The Marshall Plan was driven by long term objectives of economic recovery of Western Europe, requiring its European participant states to rebuild a regionally integrated economy that was open to international trade [5].

Foreign direct investment into the former Comecon countries of East Central Europe and the Soviet Union has been small, relative to the region's investment needs. The 26 states in question have a population of 400 million people and a combined GDP of some \$1,000 bn. This amounts to around 3% of world economic output. Foreign direct investment into the region by 1997 had grown to \$18 bn per annum, amounting to less than 2% of the region's GDP. The Central European states which were preparing to join the European Union were at the time drawing foreign investment equivalent to 3% of their GDPs, whereas the states of the former Soviet Union were drawing investment equivalent to 1% of their GDPs [6].

The region of the former Comecon countries accounted for 10% of the value of world trade in 1970, declining to 2% by 1994. Although their share of world trade in fact peaked in the 1970s, the fall was most precipitous after the break-up of the Soviet bloc in 1989-91 when intraregional trade was severely disrupted, each country's foreign trade objectives were redefined and the proportion of manufactured goods in exports progressively diminished [7].

A study of the International Monetary Fund provides other evidence of this region's downward movement through the world economic hierarchy. Table 1 below shows that living standards on the territory of the USSR rose in comparison to those of the economically most powerful nations throughout the 20th century

until 1973, but then fell back dramatically by year 2000. The factors leading to this comparative fall include both the economic crisis that enveloped the Soviet nationalised economy by the 1980's and the acceleration of that crisis in the period of denationalisation and transition to the market. East Central Europe exhibits a different pattern over the 20th century, falling back further than the USSR as a result of the Depression and World War Two, recovering, but then showing the same tendency of decline by the end of the century.

Table 1.

Regional GDP per capita as a percentage of the "leading nation"
(Great Britain in 1870 and 1900; USA in 1913 and thereafter).

	1870	1900	1913	1950	1973	2000
World average	27.4	27.5	29.0	22.3	24.8	21.9
Western Europe	64.7	67.3	69.8	53.5	74.0	74.0
Areas of recent European settlement: USA, Australia, Canada, New Zealand	74.8	87.6	98.7	96.7	96.8	96.5
Eastern Europe, excluding territory of USSR	35.9	35.1	38.2	23.9	30.9	13.3
Territory of USSR	31.4	26.5	28.0	29.6	36.5	16.6

Source: *International Monetary Fund, World Economic Outlook 2000, Table 5.2.*

Statistics issued by the United Nations show that the economic output of the Soviet bloc slowed and then stagnated in the 1980s, but contracted dramatically in the first half of the 1990s. At this point the former member states of Comecon parted ways: the CIS region's output continued to contract, albeit more slowly, in the latter half of the 1990s, whereas the Central East European region's output returned to positive growth rates. By contrast, total world output and trade, and the aggregate outputs both of developed and developing countries maintained overall positive annual growth rates throughout the 1980s and 1990s [8].

Ukraine enters the world economy

Broadly speaking, Central Europe started to recover from the shock of the breakup and the economic slump of the early nineties more quickly than the former republics of the Soviet Union. Ukraine is still enduring the slump or, according to more optimistic analysts, just starting to climb out of it. A convincing explanation for the contrast in fortunes holds that "Association Agreements with the EU (by the East Central European states, leading to their accession to the EU) have brought early benefits of market access and massive technical assistance"[9]. Indeed, the IMF has predicted that the divergence in economic performance between those countries accepted for EU accession and those so far denied "appears likely to widen in the period ahead" [10]. Insofar as the EU represents those European states with the greatest investment capital and most advanced technologies, entry onto the world market by way of close engagement with the EU is an attractive prospect for all the Postcommunist states of the region.

In 1991 the research division of Deutsche Bank released a study concluding that Ukraine had the best economic potential of all republics of the Soviet Union to make a successful transition to a market economy [11]. It compared favourably to the West European states in terms of its agricultural and heavy industrial per capita production as well as the level of education and training of its workforce. It possessed transit capacity from east to west for oil, gas, electricity and telecommunications; power generation equipment plants, aeronautical and aerospace industries, a powerful arms industry, shipbuilding, precision instrumentation and an impressive network of research institutes. The country's productive capacity well exceeded domestic demand, which accounted for the high proportion of industries geared to export [12].

However, these assets represented merely a significant potential to enter the world market on favourable terms, not its guarantee. In addition to coping with the unfavourable international economic conditions the realisation of this potential depended also upon the pursuit of appropriate strategies by the country's leadership. On this front, Ukraine possessed some obvious deficits. Historically, it had lost its best intellectual assets to Moscow and the central Russian or Soviet governments. The brain drain contin-

ued in the 1990's, but now "on all azimuths". As mentioned above, a state-building experience was largely absent and the state institutional capacity of the ex-Soviet republic was sorely lacking. So although the new Ukrainian state under President Kravchuk was able to walk away from the USSR with a good portion of its armed forces (because they were held on Ukrainian territory), it did not manage to negotiate a division with Russia and other successor states of other important joint assets. For example, all USSR property abroad and the savings of all Ukrainian citizens in Oshchadbank USSR - totalling 84.3bn rubles, or \$150 bn at the prevailing rate of exchange - were lost to Russia [13].

The lack of cohesion or discipline within the new Ukrainian establishment (some might say the lack of patriotism) was evident in the way its members used the institutions under their control to accumulate personal wealth at society's expense. By 1995 around one half of the country's GDP passed through the shadow economy, where the mechanisms exist to conceal, divert and expatriate wealth. According to the World Bank in 1999 the Ukrainian unofficial or shadow economy was proportionally larger than that of Lithuania, Russia, Poland or Romania [14].

The brain drain, the weakness of elite cohesion and discipline and the lack of state and institution building experience all contribute in some way to explaining why it took the state leadership so long to elaborate a national strategy of domestic economic recovery and competitiveness on the world market. Ukraine was the last country in the entire region to introduce its own currency, the *hryvnia* in September 1996. After following a monetarist programme of austerity and tight money supply in order to bring down inflation and achieve a measure of macroeconomic stability, the President's Administration under Leonid Kuchma began only in the late 1990s to depart from IMF neo-liberal orthodoxy and to develop an economic recovery programme of its own [15].

Trade

An important component of this strategy concerns trade: repositioning Ukraine's technologically advanced sectors for more effective competition on the world market, and prioritising the country's involvement in key regional markets and market regimes (World Trade Organisation, EU, Russia, the Central European Free Trade Area, the Asia-Pacific region). Simultaneously, the Verkhovna Rada has adopted policies concerning discriminatory trade practices of other states vis-a-vis Ukraine, addressed issues of insurance and credit risk of exporters adopted its own anti-dumping code and began to align the country's national product standards and norms with international ones [16]. However, the question must surely arise in the wake of ten years of economic decline and degradation of the country's productive assets as to whether the doors to a strategically advantageous export structure have already closed?

Ukraine's growing integration with the world economy in the 1990's took place principally through trade. The trading pattern of the decade 1988-1998 consisted of the following trends: a steady decline in the country's trade with countries of the former Soviet Union from 80% to 56%; a decline vis a vis Central Europe from 20% to 10% ; a growth in trade with the EU member states from 6% to 20%, and with both China and Turkey, each with more than 5% of total trade turnover by 1998. Overall, Russia remained Ukraine's dominant trading partner. But while trade with the EU increased, trade with Turkey, China and other Asian countries was increasing at a faster rate [17].

With Russia Ukraine exchanged its metals and food products for fossil fuels, timber and other primary goods. With the EU Ukraine traded its metals, chemicals, minerals and textiles for West European machinery, electrical equipment, transport vehicles, processed food and light industrial goods. It ran up significant trade deficits with both Russia and the EU which were offset, but not equalled, by its trading surpluses with other countries. In the prevailing conditions of domestic economic contraction, trade relations with both the EU and Russia served to promote "conservatism of the existing production structure and...technological backwardness"[18]. In other words, an expansion of the proportion of raw materials and semi-finished goods within the country's GDP was stimulated even more by foreign trade with its major partners.

The proportion of GDP exported by Ukraine has traditionally been high, but it does not necessarily indicate a healthy economic state of affairs. For while exports may serve to stimulate an already expanding domestic economy, their maintenance at high levels in a period of domestic economic contraction means that domestic consumption has been suppressed. This was the case between 1993 and 1998 when the proportion of exported GDP doubled to over 40%. The proportion rose to 53% in 1999, when falling world prices of raw materials and semi-finished goods depressed demand for Ukraine's exports

(principally metallurgical products), placing even greater pressure on export earnings and requiring an increase in the volume of exports at lower unit prices in an effort to maintain them [19].

The Ukrainian state has tried to promote the exports of its technologically advanced sectors, but here it faces stiff competition from the transnational corporations of the core states in the aeronautical, aerospace and nuclear power sectors, and from the fast developing economies of Asia in the machinery and equipment sectors. In the arms trade, however, Ukraine now ranks among the top ten producers in the world and has cultivated markets in Pakistan, China and India. It seeks to expand co-operation in military hardware production with western core states, but here it faces both the direct competition of their own corporations and the rivalry of Central European countries like the Czech Republic and Poland for joint production and conversion contracts from NATO. One might assume that the export earnings of the arms industry, which formally remains under close state supervision, should provide investment capital to regenerate other, civilian sectors of the economy. But as in these other sectors, unofficial trade remains significant and the expected revenues do not always make their way back to the state treasury [20].

There are two main obstacles to the expansion of trade with the EU. The first is the long standing protectionist EU regime which places limits on the import of metals, chemicals, textiles and foodstuffs into the member states. Such limits have effectively prevented Ukraine from mounting an export drive westward of the kind of goods it could sell in volume and at competitive prices, and from which it could generate earnings for productive reinvestment. Not only the volume of exports, but also their price is subject to controls. Unit price and volume regulation are intended to prevent dumping of state-subsidised products onto West European markets. (The USA had similar controls). Ukraine, together with a number of East European states, Vietnam and Mongolia, still belongs to the list of countries defined by the EU as having a nationalised economy, which free the EU from GATT rules to use protectionist measures against Ukrainian exports. In April 1998 the EU Council of Ministers adopted a regulation allowing certain Russian and Chinese exporting companies to be considered as developing under market conditions, which permitted them to request individual treatment in anti-dumping enquiries. This led Borys Hudyma, head of the Ukrainian mission in Brussels, to request that his country be recognised by the EU as having a market economy in anti-dumping disputes [21]. By the end of the decade such recognition was still not forthcoming.

The second obstacle to trade between Ukraine and the EU concerns the certification of imports into Ukraine and the mutual recognition of product standards. Ukraine has since 1993 set standards for nationally produced and imported goods and raw materials. These standards were recognised as non-discriminatory by the International Standards Organisation, of which it is a member. It also has the right to apply such standards under GATT rules. The European Union does not wish to recognise them for two reasons: recognition means reciprocity, thus allowing Ukrainian producers to export the same kinds of goods to EU member states; and the certification of imports by such standards places barriers before large importers of second-rate goods into the country. By the late 1990's over 60% of the country's retail trade turnover was controlled by wholesalers of imported goods. According to the UN Consumer Commission in 1997 over 80% of consumer goods coming into Eastern Europe were not only low grade (category B) and technologically obsolete, but in many cases harmful to human health. In 1997 the World Bank and International Monetary Fund placed pressure on Ukraine to revoke its National Certificate Standards with respect to imported goods under threat that it would not release \$200m credit. The standards, it argued, were used to hinder imports and competition on the Ukrainian market. Rather, the IMF wished to see in place "a non-discriminatory system of inspection of imported products on the retail market" [22].

Investment

Ukraine has had the lowest rate of foreign direct investment (FDI) on a per capita basis for all the transitional economies in the 1990s. Total FDI by April 1999 stood at \$2.8 bn. Around a third was put into foreign and domestic trade, followed by food processing and light industry (15%), machine building and metallurgy (10%). On a state-by-state basis, the USA was the largest contributor of FDI (18%). However, three EU states - Netherlands, Germany and the UK - together contributed 25% of FDI, followed by Russia (7%), the Republic of Korea (7%) and Cyprus (5%) [23]. The statistics do not reflect the true size of Russian FDI, which was certainly larger than 7% if one takes into account Russian offshore funds coming from Cyprus, the unregistered investment being made into cross-border trade and the purchase of privatised state assets [24]. There has

also been steadily mounting pressure from the Russian government for Ukraine to hand over productive assets in payment for its gas debt. The pressure becomes all the more irresistible as the debt mounts.

A number of reasons can be cited to account for the relatively low level of FDI in Ukraine and for its application mainly to trade, services and other non-productive activities. The North American and West European regions are interested mainly in securing new markets for their own products. The Central European states are more attractive than Ukraine because they are geographically more accessible and have greater domestic consumer purchasing power. Moreover, the institutional and legal conditions in Central Europe are now better developed, more stable and secure for foreign companies. As for Ukraine, not only does it lag in the harmonisation of its legal and regulatory frameworks with those of the EU and the international trading regimes, but the widespread corruption of government at all levels also makes foreign investment difficult and the repatriation of profits hazardous.

The same factors explain why Ukrainian business men and women themselves do not invest a great deal into their own country's economy. The bigger players in the economy use the banking system neither for savings nor for credit, but as a conduit to expatriate capital. The unofficial sum of Ukrainian capital now abroad in Western banks and companies is around \$20bn. Ironically, this is about the same amount that the Ukrainian state is seeking as credit from the International Monetary Fund [25].

Debt

Debt represents the third important path of Ukraine's integration into the world economy. The foreign debt is not large in comparison with that of some Central European states, like Hungary. However, the ongoing contraction of Ukraine's GDP, the growing proportion of primary and semi-finished goods within the GDP and exports, and the chronic difficulties of raising domestic revenues through taxation together exert enormous pressure on the country's capacity to repay the debt. Looked at from this perspective Ukraine's debt burden can be compared to that of some of the poorest countries in the world. In 1995 Nicaragua was carrying a \$10 bn foreign debt, equivalent in that year to 67% of its GDP. Ukraine's foreign debt grew to \$12.4 bn by the end of 1999, equivalent to 54% of its GDP [26].

The country's difficulties in repaying its foreign debt showed up clearly during the international financial crisis of 1997-98. From 1996 the government resorted to offering treasury bills on the domestic, and then foreign, markets in order to cover the state budget deficit. In the first seven months of 1997, when investor confidence in Ukraine's recovery was still firm, around 800m hryvnia a month were being raised in this way. By the end of 1997 45% of treasury bills were held by foreign investors, 28% by Ukrainian commercial banks (which had put 85% of their investment portfolios into bills) and 24% by the National Bank of Ukraine [27].

The first signs of the financial crisis in the East Asia undermined investor confidence in the transitional economies in Europe, in the first place Russia and Ukraine. Foreign investors began to withdraw their money from treasury bills. In August 1997 the Ukrainian government switched over to international capital markets and floated a succession of high interest yielding bonds denominated in Euros and Deutschmarks, the total value of which exceeded \$2 bn by June 1998. But by the end of August when the international financial crisis enveloped Russia and decimated its currency, investor confidence in Ukraine had evaporated and capital inflow ceased altogether. In fact the National Bank, like its Russian counterpart, had been fighting a rearguard action for some months, selling its foreign reserves in an effort to hold up the hryvnia's exchange rate. If in September 1997 the NBU had \$2.7 bn of reserves, by August 1998 they had fallen to below \$1 bn [28].

Debt accumulation is in some respects like an investor pyramid scheme, where the second round of investors is used to pay obligations to the first round, the third round to the second and so on. Facing mounting wage and pension arrears to state employees and pensioners, as well as a general crisis of social expenditure (from an inability to collect sufficient taxes) the state first resorted to borrowing more money from residents in order to cover its annual budget deficit. When that proved insufficient, foreign investors were invited to buy bills whose proceeds were meant to cover repayment of bills that were already coming due. Bonds on international markets followed. In the end the loss of investors' confidence in the government's ability to pay back these loans with the promised interest drove investors to sell before their due date, taking a loss and undermining further the value of their loans in the eyes of other would-be purchasers. In the closing months of 1998 the Ukrainian government all but defaulted on its debt when it negotiated a "voluntary" programme with domestic and external creditors to change short term debt into longer term government bonds.

The international financial crisis impacted in several ways upon the Ukrainian economy: capital flight, devaluation of the national currency by some 80%, an increase in the trade deficit and the loss of important export markets for metallurgical goods and foodstuffs. One positive byproduct of the crisis was the decline of imports of consumer goods which the Ukrainian public could no longer afford, leading to a certain revival of demand for domestically produced goods. On the whole, however, this crisis demonstrated how the domestic economy and the state's regulatory instruments could be damaged by international capital and price movements.

The rapid fall in world commodity prices, including oil, in 1997-988 was largely responsible for Russia's default on its foreign debts in August 1998. Ukraine's economy is closely tied to Russia's, so Russia's crisis was bound to spread into Ukraine. Between September and December 1998 Ukrainian exports to Russia fell by one third, in January and February 1999 by 40%. The flow of metallurgical exports between the two countries began to change direction (now from Russia to Ukraine). In 1998 as a whole the value of Ukrainian exports fell by \$2.8 bn, or by 13% compared to the previous year [29]. And while Russia's financial crisis was in most respects deeper than Ukraine's (its currency devalued by 300%), the subsequent recovery of its foreign trade and its currency reserves has been more rapid. This had to do with the fact that Russia has oil and gas, the world prices of which recovered in 1999 and allowed the country to return to a trade surplus. The world prices of other primary commodities did not recover in 1999, leaving countries trading in such goods and dependent on imported fuel, like Ukraine, with trade deficits. Central European states, by and large, withstood the international financial crisis, saw their economies grow in 1998 (with the exception of the Czech Republic and Romania) and even attracted investments that were fleeing out of the CIS region.

Conclusion

It is difficult to express in concise terms where Ukraine finds itself in the hierarchy of the world economy. The difficulty arises mainly because such quantitative indices of its domestic economic growth/decline as GDP need to be compared with the indices of other countries of the world. The comparison, moreover, needs to be made several times over an extended period of time in order to have a sense of the direction of change of the global economy, its groups of countries and regions, and its individual states. There is no doubt that the region of the former Soviet Union has suffered considerable economic damage and lost ground to other regions and groups of countries. However, the recovery of individual countries of the FSU region from its breakup and the transition to the market differ considerably in the latter 1990's and these countries can hardly be treated as a group any more.

In the work of analysts dealing with global trends, the Ukrainian economy became disaggregated statistically from the economy of the Soviet Union and the CIS region only in the early 1990s. So while it has been possible on the basis of Ukrainian statistics alone to track the country's economic evolution by way of comparison with its own previous performance, including performance in the Soviet period, it is more difficult to compare its performance over an extended period with other countries. For example, the United Nations Human Development Index, which combines measures of per capita GDP, education and life expectancy, placed the country in 1999 in 91th place among the 174 countries of the world. The Central European states were considerably higher on the Index, with Slovenia in 33rd position, the Czech Republic in 36th, Poland in 44th and Hungary in 47th., Belarus was at 60th, Kyrgyzstan at 67th, Russia at 71st and Kazakhstan at 76th. Below Ukraine on the Index came Uzbekistan, Turkmenistan, Azerbaizhan and Tajikistan - all of them the traditionally poor republics of the USSR and now politically unstable states [30].

We can only assume, albeit with confidence, that Ukraine would have been in a better position on the Index in 1990 had it figured there as a separate state. And we need to wait for the next major compilation of the Index to get a sense of the direction and pace of the country's economic and social evolution in the context of regional and global change. What is clear, however, from the Index is that the collapse in GDP per capita was mainly responsible for driving Ukraine down into 91st position. The decline in life expectancy at birth to 69 years (in 1997) was less important, while education, which remained comparatively high, had the least impact. Declines in life expectancy and educational levels tend to lag behind declines in per capita GDP, so one could see a further erosion of Ukraine's position on the Index even if its economy recovers from year 2000.

The general impression is of a country moving rapidly downward from the upper quartile of the world's semi-peripheral states, where it stood at the end of the 1980s, to its lower quartile. Upon becom-

ing an independent state it still had quite favourable prerequisites to cleave towards the group of core states of the world economy, most likely by way of integration with the EU. Now one has a far more contradictory scenario: a country that on the one hand still possesses advanced technological sectors and a highly educated workforce, while more than half its population lives below the official poverty line on the other; launching Zenith rockets carrying communications satellites from the Pacific Ocean, selling world-class tanks to Pakistan, offering heavylift Antonov aircraft to West European states while at the same time fighting to retain its primary goods markets in Russia and Turkey.

Ukraine still has no secure place in one stable regional market. As in its foreign security policy of "active neutrality" and engagement with states on all sides, economically it remains partially and precariously balanced between several regional markets. Membership in the European Union remains the principal long term goal of its foreign policy. But that has been ruled out by the EU for the foreseeable future. Ukraine's leaders see the Central European Free Trade Area as a possible back door route into the EU, but CEFTA's construction as a regional market has been overshadowed by the Central European states' accession negotiations with the EU. A long term economic engagement with Russia and the CIS is taken for granted, but it is constrained by Ukraine's fear of domination and absorption by Russia. The development of new markets across the Middle East and Asia is considered indispensable for survival, but these regions already contain powerful competitors in many of the commodities that Ukraine wishes to sell there. The problem for Ukraine's leaders is that they balance between these regions but are not able to achieve sustained capital accumulation from engagement with any one of them. Engagement with a number of regions can be seen as an important advantage. However, it is in the nature of Ukraine's external economic relations that the problem lies. For if such relations cannot in the long run contribute to a sustained capital accumulation there is little hope for a domestic economic recovery.

Footnotes

1. "The Ukrainian economy since independence," *Working Papers in Ukrainian Studies*, No. 1 (May 1999); www.unl.ac.uk/ukrainecentre.
2. Marko Bojcun, "The Working Class and the National Question in Ukraine; 1880-1920," PhD dissertation, York University, 1985, Chapter One.
3. "Poslannia Prezydenta Ukrayiny do Verkhovnoyi Rady," No. 276a/2000, Kyiv 23 February 2000.
4. C. Chase Dunn, *Global Formation: Structures of the World-Economy* (Oxford: Basil Blackwell, 1989), pp. 123-124.
5. Umberto Triulzi, "The Partnership and Co-operation Agreement: a New Marshall Plan?"; Paper delivered to the European Commission Stagiaire Conference A New Iron Curtain? EU-Russia Relations in Focus, Brussels, 26 June 2000. Commission of the European Communities, *The PHARE Programme Annual Report 1997*, Brussels, 1999, p. 26.
6. Hans Peter Lankes and Nicholas Stern, "Capital Flows to Eastern Europe and the Former Soviet Union," *EBRD Working Papers* No. 27, pp. 1-6.
7. Oleksandr Rohach and Oleksandr Shnyrkov, *Transnatsionalizatsiya svitovoho hospodarstva ta perekhidni ekonomiky* (Kyiv: Kyivskiy Universytet, 1999), pp. 81, 134.
8. United Nations, *World Economic and Social Survey 1999* (New York, 1999), Tables 1.1 and A.3.
9. Lankes and Stern, op. cit, p. 6.
10. IMF, *World Economic Outlook 2000*, p.26.
11. Anatoli Halchynsky, *Ukrayina: Postup u Maibutnie*, (Kyiv: Osnovy, 1999), p. 38. Ukraine got 83 marks out of 100, the Baltic states 77, Russia 73, Belarus and Kazakhstan 55.
12. Ibid., pp. 38-45.
13. Ibid., p 45.
14. International Monetary Fund, *Ukraine: Recent Economic Developments*, Country Report No. 99/42 (May 1999), p. 15, Figure 1.
15. "Poslannia..."
16. Anatoli Hrytsenko and Mikhail Pashkov, "Ukraina na mirovykh rynkakh," *Zerkalo nedeli*, No. 25(298), 24-30 June (2000).
17. HILFE Country Report: *Ukraine*, July 1999; Igor Burakovsky and Victor Biletsky, *Ukraine's Way to the European Union* (Kyiv: Freidrich Ebert Stiftung, April 1999), p. 6. Anton Filipenko, "Zovnishnoekonomichni vidnosyny Ukrayiny," in T. Stepankova, P. Dudkiewicz and M. Ghosh, *Ukrayina na Perekhidnomu Etapi* (Kyiv: Akademiya, 1997), p. 151.
18. Burakovsky and Biletsky, op. cit., p. 15.

19. Halchynsky, p 155; Hrytsenko and Pashkov, op. cit. By contrast, Russia's exports constitute around 15-20% of its GDP. Ukraine's per capita earnings from exports were \$233 in 1999, compared to \$500 for Russia, \$690 for Poland, \$2371 for Hungary and \$2612 for the Czech Republic.
20. Burakovsky and Biletsky, op. cit.
21. *Europe*, n.s. 7209, 27-28 April 1998; n.s. 7238, 10 June 1998. See also Mykhaylo Pavlovsky, *Shliakh Ukrayiny* (Kyiv: Tekhnika, 1996), p. 58; and *Ekonomist*, No. 1 (January-March 1997).
22. *Profspilkova hazeta*, 19 February 1997 and 26 February 1997; *Dilo*, 9 February 1998.
23. *Profspilkova hazeta*, 26 March 1997; *Ekonomist*, No. 1, (January - March 1997), p. 49; *HILFE Country Report Ukraine*, July 1999, p. 31; Burakovsky and Biletsky, op. cit., p. 8.
24. Svitlana Bednazh, "Ukraine and the EU: Comparative Perspectives"; unpublished paper, March 2000, p. 12. Bednazh notes that Russia's investment in Ukraine is growing at the same rate as the EU's and that Ukraine's investment in Russia is larger than in any other country.
25. Hrytsenko, Pashkov, op. cit.
26. United Nations Development Programme, *Human Development Report* (New York: Oxford University Press, 1999), p. 108; "Poslaniya..."
27. *International Monetary Fund*, No 99, pp. 30-40; Halchynsky, p. 154.
28. *Ibid*, p. 47.
29. Halchynsky, pp. 165-66.
30. *Human Development Report*, pp. 134-137.

GLOBALISING THE STATE: A COMPARISON OF THREE REGIONAL MODELS

Jerzy Gierus

(Institute of Political Studies Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland)

Introduction

Now at the start of the 21-century yet another "spectre" is wandering around the planet the spectre of globalisation. During the last decade or two we had been witnessing its various occasional manifestations when almost overnight we woke up to the reality of the world which had become one entity. In this one world we can be almost sure that we watch the same things on TV, wear the same clothes, buy the same goods, nay, think the same thoughts and dream the same dreams. In this world there are not any more militant geopolitical blocks, no major embattled ideologies and no antagonistic views of our common future destiny. We have found ourselves in the world, which has become more neat, uniform and centralised. The world, it seems, in which there is not only no history, but also no geography.

No geography, and yet we still have to cross borders, bear passports, speak different languages, be subjected to different systems of education, military service, etc. We cannot help wondering which of the two is the spectre and which is the reality: the global world or the world in which we belong to certain fixed entities – nation states? Which is more real, a universal world in which our adherence to national, ethnic or state communities is increasingly losing all meaning or the one in which we as human beings are first of all defined as members of these communities and are only being tempted by our vision of one indivisible world?

The nation state is not yet dead, that's for sure; it is, we hear, going through transformation. Speaking about this transformation we need to define what precisely we are talking about. First of all we need to define *which* state or states are being transformed, which out of about two hundred registered in the UN. We could of course speak about the generic, abstract state. This however would not be of much use since not many people are interested in abstract concept instead of the real thing. The narrow circle of academics who are, in order to be understood should refer to real existing states, anyway.

Besides, there are more than one abstract concept (definition) of the state and all of them are simultaneously operational. For example the classic definition by Weber, which speaks of the state as a part of civil society that possesses a legitimate monopoly on the use of violence, is still being used by the analysts as an essential tool indispensable for our understanding of today's world. There are of course numerous other definitions which concentrate on other aspects of the functioning of the state, such as definition of the state as first of all a mode of societal organisation necessary to conduct war (Modelski,

1987; Tompson, 1983). Or quite opposite, the emergence of states from pre-state structures is explained by demographic and ecological factors – by the growth of the population and the necessity to coexist with other communities with which one enters into contact (Chase-Dunn, 1997). This approach dispels as dominant the motive of aggression and forceful expansion. Among abstract concepts of the state we can mention democratic state, totalitarian, welfare, Islamic, police state *Rechtstaat*, etc.

Given the above when speaking about transformation of the state caused by globalisation we have to assume that a) all or at least the majority of existing states are being transformed; b) major (strongest, most powerful) states undergo transformation. They outline the tendency which in mutually connected and mutually dependent world spreads over other (weaker, less developed) states; c) globalisation acts as a counterforce, a sort of competition to the perpetuation of the nation state, overtaking its functions and gradually occupying its legitimate place.

The idea that the state is being pushed out of existence is not new. It is present not only in classical Marxism where the withering away of the state is a precondition to the emergence of socialism, but also more recently in neo-liberal ideology in which it is the market which should be the sole regulator of social life and the less state in economics and politics the more economic efficiency and democracy.

Right wing doctrine of the market as a “natural” distributor of social roles has recently had its ups and downs. Its recent elevation occurred during the period in power of the right wing governments in Europe and North America in the seventies and the eighties when through Reaganomics and Thatcherism the thesis of primacy of the market over the regulative role of the state was implemented especially spectacularly. One can add also efficiently, since this doctrine (not only in its economic shape) helped to bring down the regimes in Eastern and Central Europe, which rested on the ideas, which were diametrically opposite to the principles of liberal democracy.

The Influence of Globalisation on the Nation State

The predictions of the eclipse of the nation state are based on the assumption of the withering away of its attributes. These attributes are seen as being gradually transferred to a certain global construct, which marks a potential creation of a global state or quasi-state structure. What is meant by this is:

1. Gradual downsizing of the role and scope of national economy with the emergence of global economy. One of the most vivid expressions of this is the functioning of Transnational Corporations (TNC's) crosscutting the globe and having no base in a nation state. Can we still speak of “national economy” in the case of a Japanese firm producing in Taiwan and paying taxes in Hong Kong?

2. Diminution of the role of institutions of the nation state - economic, political, cultural - in the wake of establishment of a similar kind of global and international institutions such as World Bank (WB), International Monetary Fund (IMF), UN, World Trade Organisation (WTO), etc. These institutions are playing an increasingly important role and often substitute or cancel the decisions made by institutions of nation states.

3. Continuing corrosion of national cultures in the face of the forming of a cosmopolitan global culture propagated by electronic mass media.

4. Easy travel by modern means of transportation and consequently the weakening of ties with one's place of origin.

5. Possibility of acquiring double, triple and more citizenships and consequent relativisation of the idea of a “single homeland”.

6. Possibility of taking one's own (or any other) country to court on the basis of international law and the code of human rights.

Some of the above tendencies have histories which are longer than the others. Thus international trade in the form of international exchange of goods used to exist with equal, if not greater, intensity (if one accounts for corresponding population levels) already from late eighteenth century to the beginning of the First World War (Arrighi, 1995; Chase Dunn, 1996). That was the time of an extraordinary development of free trade in the period of global hegemony of Great Britain, who, being most of all nascent nation states interested in trade exchange, promoted free trade by entering into bilateral agreements on conditions of most favoured nation status (Whiteneck, 1996, 1998). This situation, however, marked the accumulation of tendencies which several decades later combined in producing a phenomenon which we today call globalisation. During that cumulative period what we saw was first of all an exchange within the framework of international relations in the conditions in which we cannot speak of the existence of a global system.

In this context, Wallerstein's theory stating the existence of a “modern world system” and a capitalist world(-)economy from early sixteenth century (even with the proviso that the global economy had taken its full

shape only by the end of the nineteenth century) is a projection backward of the situation which came into being only in the seventieth of the twentieth century. Only then the situation reified by Wallerstein found its self-realisation (Teepie, 1998). The main difference between what we may call an international and a global system is that in a global system it is not nation states that are playing the pre-eminent role but a global structure, which is something more than a sum of its constituent parts. Such a holistic understanding of global system approximates Durkheim's concept of society as a totality, which exists independently and beyond the units, which make it (Durkheim, 1969).

In this sense globalisation is the affair of the last thirty or so years and came on the wave of the boost in the development of technology, first of all microprocessors, giving birth to information technology (IT) which linked the world into a single whole.

The processes described above exercised their influence on the functioning of nation states, which had to adapt to the new situation. These reactions for the purposes of this discussion could be divided into three groups according to the measures employed by these states and geographical position which they occupy. I would like to discuss the reaction to globalisation by a) the countries of the first world (the centre, most developed nations); b) Eastern and Central Europe; c) Africa. This is far from an exhaustive survey of the responses undertaken in the face of the threats and the advantages which globalisation brings over. What is sought, however, is a comparison of the reactions on three levels of world hierarchy to see who gained and who lost the most in one of the world's largest reshaping processes so far.

The State in the First World

The sense of dividing the world into centre and periphery lies in that it was the centre, which has played the leading role in the forming of capitalism and the building of a modern nation state. Contrary to theoreticians of a uni-linear mode of development (Marx, Rostow) the embedment of capitalism was predominantly a feature of Western Europe (and the United States which is its projection). The spread of capitalism to other regions took place along with expansion of markets and extension of commodity chains. This was accompanied by transmission of the ways of organising production, state structures and the ethos of nation-building (Greenfeld, 1992) to further territories which, lacking the primary impetus inherent in an indivisible logic of the original phenomena, gradually acquired the character of a dependent development from which they tried to break free. Such breakthroughs resulted in permanent changes (Germany, France, Japan) or temporary changes (Russia); the changes, however, were effected with the use of mechanisms, other than those used by England. English model of capitalism - "the society of shopkeepers" - was repeated nowhere and probably has no chance of being repeated, if only for the reason that the very shops are steadily becoming the thing of the past.

Mechanisms used to meet the demands imposed by the development of expansive capitalism were banking policies in France and Germany (Gerschenkron, 1966), state protectionism in Germany, state controlled industrialisation in Russia, or developmental capitalist state in East Asia. In a sense Marx was right saying that England was showing other nations the picture of their own future. To that future those nations tread not spurred by the impetus of internally operating "laws of societal development", but as parts of nascent totality - the emerging system of global capitalism, which engulfed ever more territorial entities.

The period directly preceding the formation of a single global world was the period just after the Second World War. That was the time of advanced fordism marked by an explosion of new technologies, new ways of organising production, new scientific research, educational programs, etc. The realisation of Marshal Plan had mobilised the recipients of aid around the United States. That was the time of new mergers, joint ventures and common projects. Parallel to this, new global institutions began to be formed to regulate and direct the new world order. The initiatives to form these institutions, the main role and authority in them belonged to the rich and powerful nations of the first world. The membership being formally equal, it was the well being of each nation, which defined the weight of its voice in each organisation. In political organisations such as UN and especially in economic ones such as IMF, World Bank, WTO, the voices of USA and other western nations were decisive.

Connected with advanced fordism is the policy of Keynesianism, which could be viewed as the highest and at the same time the final apogee of the nation state. The social consensus of that time underscored not only the enormous possibilities of the nation state but also its various limitations. Gradual departure from Keynesianism signalled the relinquishing by the nation state of its high aspirations towards broad masses of the citizenry and marked the entrance to the stage of big international trust and pension

funds, which overtook respective functions of the state and began to perform them on the basis of principles of rational enterprise and rigorous calculation.

Finally, the latest great development marking the onset of globalisation was the invention of microprocessor and the advancement to centre-stage of the computer as a tool, which revolutionised the very approach to manufacturing, services and communications. This enabled swift transactions (also financial) at long distance, united the whole world into a single information system and showed to the uninitiated the gap which divides them from those who possess new knowledge and skills.

Asian Model

From the very start Asia kept some distance from industrialisation, modernisation and globalisation, because those developments emerged as euro centric processes, operated "from the outside" and had to be balanced with a clear-cut and often centuries-long traditions of individual Asian nations. The great Asian experiment, which started in the fifties and the sixties brought spectacular results, but also caused doubts about the long term, which were amplified by the crisis of the late ninetieth from which this region is yet to get free.

All the same, this region has produced a coherent model of adapting to globalisation, which could be called a model of developmental capitalist state (Eun Mee Kim, 1998). The essence of this model lies in a special role of the state in mobilising, steering and controlling economic life with an aim of adapting it to the trends of development of world economy. No doubt, this region is home to different cultures and conceptions of the state; however, everywhere on the state level we see institutions dealing with economic development. In South Korea the Board of Economic Planning occupied itself not only with planning, but till mid eighties also supervised all investments and loans, thus influencing the way in which state budget was formed. In Malaysia, where state budget is around 40% of GDP, there functions an Economic Planning Unit, which elaborates plans of development for five years ahead and is a part of Prime Minister's Secretariat. In Thailand the Council of National Economy and Social Development outlines the main directions of the development of industry. Since 1961 the Economic Development Board of Singapore deals with building up infrastructure for industry.

All above economies do not belong either to planned economies or to fully market economies; they are something in between and could be named as complex capitalist economies. Economic life there is concentrated in the hands of big trusts, such as for example *chaebols* in Korea. In the conditions of oligopolistic markets competition does not stop, but, paradoxically, even increases. The reason for this is that all *chaebols* are present in all branches of economy.

The reforms in Asia since early sixties were directed first of all towards creating a favourable climate for export. In Korea, the tax on profit from import was reduced by 50%, customs duties on import of materials needed for production for export were cancelled, and export credits were heavily subsidised. This allowed achieving several aims at once: import substitution; export promotion and conditions for the protection of enterprises, which were producing for export.

Other measures undertaken by the state to protect the economy during its opening to the world include combating smuggling and mafia, state interventions at the times of crises in groups of enterprises, policies directed to aide strategic sectors, policies to facilitate foreign direct investments (FDI's), etc.

Eastern and Central Europe

The emergence in Eastern and Central Europe of the communist system was a peculiar expression of the trends operating in international system: on the one hand internationalisation of the economy and on the other hand regulation of its territorial sectors by nation states. The reaction to these trends was the creation in that region of closed repressive political systems with centrally controlled economy and the ideology, which was a communist mutation of nationalism.

The twilight of communism corresponded in the seventies to the onset of globalisation, the road to which was paved in the west by liberal right wing governments. In this situation the newly-emerged societies of Eastern and Central Europe in their opening to the world fully and wholeheartedly embraced the ideas and principles associated with free market and economic liberalism. The reasons for this are several. First, the peripheral position of largely traditional and peasant-based societies of the region meant huge polarization between the elites (educated, modernised, and having an access to information) and the rest of the society (which did not have these assets and were brought up in conditions of political subordination). Second, these elites were traditionally western-oriented (even when preaching populism) and their vision of the world was in a large measure shaped by epistemology of the Enlightenment, with its ideology of single truth, single progress and of the laws of social development. Third, these elites aspired to join the great world and through this to satisfy their own goals and ambitions.

As the result the first reforms in newly-democratic states of Eastern and Central Europe were a full and unrestrained tribute to liberal ideology and were carried in accordance with conditions formulated by global institutions – first of all by IMF and World Bank. Neither at the very beginning, nor later on were there created any significant internal structures designed to regulate the activities of external capital and to support national businesses and branches of industry. This marks the major difference between the reaction to globalisation by Eastern and Central Europe on the one hand and Eastern Asia on the other. The state in Eastern and Central Europe did not play such active role in regulating transformation because:

- a) after communist rule the state lost a large measure of its legitimacy;
- b) its task was made more difficult by enormous debts owed by most countries which was not the case in Asia;
- c) the bureaucracies were not well trained and were not prepared to act in new conditions;
- d) bureaucratic elites were not thoroughly selected and well-paid.

The distance which Asian countries from the very beginning kept to eurocentric globalisation helped to mobilize civil society around indigenous cultural traditions – respect to authority, individual and social self-perfection, informal relations between power structures and private and state-owned business, etc. In stark contrast to this, wholehearted self-identification of East European elites with ideals of the given historical moment closed their eyes to their own limited possibilities, which in turn lead to lack of realism and sense of situation.

Different levels of success in post-communist transformation can be explained by different ability of individual countries to take into account and draw advantages from globalisation. To be efficient in new conditions one had to be first of all *mobile* – socially, culturally and psychologically. Such mobility was lacking among big territorial states with unsolved national and territorial-administrative issues (Russia, Yugoslavia), as well as structures with insufficiently developed statehood, so-called “state-nations” in contradistinction to “nation-states” (Belarus, Ukraine, Slovakia, former Asian republics of the Soviet Union).

On the other hand, reasonable success in transformation was achieved by relatively mobile states – fairly compact, rather homogeneous ethnically and culturally, with a better-developed civil society, with embedded religion, which provided ethical norm to be used in everyday life (*Altagsreligiositaet*). These are mainly the countries of Vysegrad group and former Baltic republics of the Soviet Union.

African States

African states seem to be the biggest losers in globalisation. Decolonisation process after the Second World War brought into life a whole group of newly independent states with borders drawn deliberately by colonial authorities. These new states (state-nations) immediately became part of the game of rivalry between two super-powers – the United States and the Soviet Union. The bipolar character of international system had in large measure maintained stability in that region by giving a sense of direction to the ideologised elites. The economies of these countries were heavily subsidised by their great patrons, their aid going also to other spheres – education, culture, infrastructure, etc.

Once the communist system had collapsed these states were left to their own design. Following the withdrawal of support by great powers the region began to sink slowly into economic decline, political anarchy and interethnic fighting. The only structures that still had some interest in being present at the African continent were transnational corporations. Their interest was to keep their investments and protect their enterprises from devastation. In trying to achieve these goals some corporations started to undertake actions by participating in internal political games, by supporting specific groups who were taking part in conflicts, or even by creating private armies fighting in the conflicts and defending their interests in the region (Global Intelligence Update, 1999).

In this rather pessimistic picture of the situation transnational corporations will for certain period of time probably remain the only agents of maintaining order in the region.

Conclusions

The concept of globalisation has grown to be a powerful tool in our attempt to understand the today's world. Another, and perhaps equally powerful, conceptual tool is the theory of nationalism. The essence of our today's life seem to be placed in between these two extremes. Do we then have to consider the space between them as a continuum on which we can mark a position of each single state? Does this continuum mark the road from nation state to global state, from national society to global society in much the same way as the “tradition – modernity” continuum was used in the sixties and seventies to measure the degree of “modernisation”, indus-

trialisatation and democratisation? Well, there is no reason why we cannot try to do so. As ideal types these concepts may help us to make some sense of the reality and to understand some of the word's dynamic.

We need, however, to account for the fact that the world at the start of the twenty first century has grown much more complex. It is marked by a coexistence of various structures. In it states operate often on an equal footing with transnational corporations, global institutions, regional blocks, or even separate powerful individuals. To illustrate the latter point one only has to invoke Bill Gates or George Soros. Moreover, the diversity does not only characterize the world as a totality - its part are becoming no less diverse. We have been used to apply the diversity epithet to the states that we called "modern". We even used to regard diversity as coterminous to modernity. From this point of view the states of first world are internally diverse (culturally, administratively, socially) and modern at the same time. They also act as the most powerful driving force behind globalisation.

The new internal diversity of less developed countries, the countries of the periphery/semiperiphery, seems to be of a somewhat different kind. This is a diversity based on a nature of their nexus to global institutions. This nexus acts selectively and links only certain parts of the periphery/semiperiphery to the centre. This produces parcelisation of peripheral societies and explains in large measure the broken and disorderly nature of their internal politics. In this regions, as in the world at large, traditional politics based on class and inner interest groups gave way to the conflict of "globalisers" versus "antiglobalisers", or between groups connected to different fractions or having different visions of the global world. This is perhaps why the internal political strife in most of the post-communist newly independent countries is so difficult to understand, let alone to contain.

Juxtaposition of globalisation and nationalism may be useful analytically; however, to regard nationalism as just an obstacle to globalisation, or globalisation as just a distant dream amid the hard reality of various nationalisms is to confuse both concepts. On closer look, paradoxical as it may seem, globalisation and nationalism are twin concepts - they mean basically one and the same thing.

First of all globalisation, like nationalism, has become an ideology. It has become invested with that mythical and quasi-religious quality, which is so characteristic of nationalism. Like nationalism it has become a basis of political divisions and political action. Secondly, like early nationalism, globalisation began to manifest itself in measures undertaken to defend the market(s) - global market instead of national markets. Thirdly, globalisation acts to centralise the world and unite it around a centre in much the same way as nationalism strove to cement a nation. Such centre, understood geographically, may now be the United States, understood spiritually or ideologically its is the set of ideas associated with economic liberalism, human rights, protection of environment, concerns for the future of the world, etc. Fourthly, like nationalism globalisation is an exercise in homogenisation, a drive to make the whole world one through standardisation of the systems of education all the way up to creation of a universal language. Utopian as such a project may seem it is quite realistic, considering that homogenisation we are talking about will not have to be absolute, since even a nation state preserves a certain degree of cultural diversity. Gellner's understanding of nationalism as an ideology which aspires to make state and culture congruous (Gellner, 1983) seems to apply in good measure also to globalisation.

Such understanding of globalisation is all embracing and does not put a special emphasis on the economy, as do most of the definitions formulated in the literature on the subject. Therein perhaps lies one of the main flaws of the common approach to the concept. Apart from the fact that the division of social reality into economic, cultural, political, etc., is purely analytical and narrows down our perspectives on this reality, it is worthwhile to emphasize that the whole thinking in terms of globalisation is very much a Marxian tradition, or at least a contemporary Marxian correction of the conceptualisations which became orthodox during the last two or three decades. If we want to add more meaning to the concept we have to include into it other aspects of social life. This could be done by incorporating other conceptual approaches, such as for example Weber's.

In the light of the above if we throw a quick look at the processes underway in today's Europe, we should no longer regard the trends operating in its various parts as contradictory and mutually exclusive. The fact that Western Europe is integration and Eastern Europe is splitting apart does not mean that globalisation does not occur in periphery/semiperiphery. That would break all logic and disqualify globalisation as a concept. What is happening is that the east of Europe is catching up with the west in achieving the homogenisation necessary to become an active agent of globalisation. The disintegration of empires and individualisation of nation states, which occurred in Western Europe about a century ago, is taking place in Eastern Europe only just now.

Only after this process has been finalised Eastern Europe will acquire the mobility indispensable to participate in globalisation fully and with advantage to itself.

Literature

1. Chase-Dunn Ch. K. and Hall Th. D. (1997), *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder, Colorado: Westview Press.
2. Modelski G. (1987), *Long Cycles in World Politics*. Basingstoke: Macmillan.
3. Thompson W.R. (1983), 'Cycles, Capabilities and War: An Ecumenical View,' in Thompson W.R. (ed) *Contending Approaches to World System Analysis*. Beverly Hills: Sage.
4. Arrighi G. (1995), *The Long Twentieth Century. Money, Power and the Origins of Our Times*. London, New York: Verso.
5. Arrighi G. (1996), *Beyond Western Hegemonies*. Binghamton (NY): Fernand Braudel Center.
6. Teeple G. (1998), 'What is Globalisation?,' Conference paper for *Globalisation and its Discontents*, Simon Fraser University, July 23-24, 1998.
7. Sklair L. (1998), 'Transnational Practices and the Analysis of the Global System,' Seminar paper, delivered for the *Transnational Communities Program Seminar Series*, 22, May 1998.
8. Whiteneck D.J. (1998), 'Creating British Global Leadership: the Liberal Trading Community from 1750 to 1792,' *Journal of World-Systems Research*, Vol. 4, No. 2, Summer 1998, <http://csf.colorado.edu/wsystems/jwsr/html/>
9. Whiteneck D.J. (1996), 'The Industrial Revolution and the Birth of the Anti-Mercantilist Idea: Epistemic Communities and Global Leadership,' *Journal of World-Systems Research*, Vol. 2, No. 1, 1996.
10. Wallerstein I. (1979). *The Capitalist World Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Wallerstein I. (1976), 'Semi-Peripheral Countries and the Contemporary World Crisis' *Theory and Society*, 4, 1976.
12. Durkheim E. (1969), *The Division of Labor in Society*. New York: The Free Press.
13. Greenfeld L. (1992), *Five Roads to Modernity*. Cambridge (MT): Harvard University Press.
14. Henderson G. (1998) and Whitley R., 'Social and Political Dimensions of Economic Transformation: Eastern Europe and Pacific Asia,' in J. Henderson (ed.), *Industrial transformation in Eastern Europe in the light of the East Asian Experience*. London: Macmillan.
15. Global Intelligence Update (1999), 'Africa: More of the Same and Worse,' Alert@stratfor.com, December, 1999.
16. Gellner E. (1983) *Nations and Nationalism*. Oxford: Basil Blackwell
17. Gerschenkron A. (1966), 'Economic Backwardness in Historical Perspective,' in A. Gerschenkron, *Economic Backwardness in Historical perspective*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
18. Eun Mee Kimm (1998), 'The Developmental Alliance for Industrialisation in East Asia: State and Business in South Korea and Taiwan,' in J. Henderson (ed.), *Industrial Transformation in Eastern Europe in the Light of the East Asian Experience*. London: Macmillan.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ТРАНЗИТЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

М.В. Шаповаленко

(Университет внутренних дел МВД Украины, г.Харьков)

Несмотря на то, что в последние годы зона существования демократических государств значительно расширилась, сердцевиной ее по-прежнему остаются страны Северной Америки, Европы и Япония. Эти страны, образуя так называемое "сообщество демократии", являют собой зону политической и социальной стабильности.

Государства же, которые стремятся избавиться от авторитарного и тоталитарного прошлого, образуют некое поле демократических транзитов. Оно отличается крайней политической и социальной нестабильностью. Это вновь образовавшееся поле возникло вследствие "третьей волны" демократизации, под которой С.Хантингтон понимает "совокупность происходящих в некий промежуток времени транзитов от недемократических к демократическим режимам, когда

число таких транзитов значительно превосходит число осуществленных в тот же промежуток времени переходов в противоположном направлении"[1, р.6].

На стремительное распространение этой волны значительное влияние оказали внешние факторы, среди которых С.Хантингтон выделяет следующие: глобальный экономический рост 60-х годов, смена идеологических парадигм деятельности Ватикана, радикальные изменения внешней политики Европейского Союза, США и Советского Союза, а также эффект "снежного кома" (демонстрационный эффект подражания) [1]. Все выше перечисленные факторы наряду с внутренними предпосылками оказались ключевыми в распространении демократических ценностей на весьма обширной территории периферии и полупериферии. Поэтому не случайно этот процесс был назван С. Хантингтоном "глобальной экспансией демократии". Эти новые страны в условиях системной трансформации образуют в тоже время зону политической и социальной нестабильности (или по терминологии мир-системного анализа, "зоны политической турбулентности").

Это состояние нестабильности усугубляется еще и тем, что некоторые государства, помимо системных трансформаций общества, еще и вновь открывают "поруганную идентичность" (примером последнего является Украина) [2, с.118]. Поиск идентичности и соответственно определенной цивилизационной ниши значительно усиливают неопределенность результатов демократических преобразований и последствий демократических транзитов. Хотя Запад и продолжает экспансию собственных политических и экономических ценностей, но вместе с тем уже давно стала очевидной несостоятельность тезиса о западной цивилизации как цивилизации универсальной и обязательной для подражания. Столь продолжительное доминирование этого тезиса было следствием некорректного смешивания процессов модернизации и вестернизации, что по словам С. Хантингтона, являлось "частицей западного высокомерия". В тоже время эта неопределенность демократических транзитов воздействует и на давно сложившиеся соотношения в мир-экономике между центром, полупериферией и периферией. Глобальная же экспансия демократии на страны полупериферии и периферии, по существу, значительно повысила уровень ожиданий населения, притязаний и властных амбиций господствующих элит. Подобная революция ожиданий среди властвующих элит вновь появившихся государств на территории бывшего Советского Союза вряд ли позволит мириться с положением страны как страны "третьего мира", с одной стороны, с другой- может объективно стимулировать процессы распада экономических и технологических структур, что, безусловно, может обеспечить нисходящую мобильность внутри полупериферии и периферии.

Для рассмотрения перспектив вхождения стран демократических транзитов в "сообщество демократии" и мировой рынок интересны подходы некоторых направлений теории мировой политической экономики. В первую очередь теории зависимости и мир-системного анализа. Несмотря на значительное влияние марксизма на развитие данных направлений эта теория позволяет развивать довольно критический подход к процессам глобализации, модернизации и "третьей волны" демократизации как в XX веке, так и уже на рубеже тысячелетий. Выбор именно этой теории обусловлен во многом тем, что третья волна демократизации охватила полупериферию и периферию, под значительным влиянием западных государств, в первую очередь, США. Эти процессы демократизации, безусловно, оказывают и могут в дальнейшем оказать влияние на прежнее соотношение внутри как полупериферии, так и периферии.

Весьма продуктивными в мир-системной теории И.Валлерстайна являются модели международных отношений, состоящие из нескольких уровней: центр, полупериферия и периферия. При этом периферия образует так называемый "внешний регион". Согласно этой теории полупериферия ведет себя по отношению к внешнему региону или к периферии как эксплуататор, оставаясь маргинальным составляющим в глобальной системе. При этом полупериферия также может эксплуатироваться ядром. Таким образом, государствам, принадлежащим к полупериферии, предоставляется возможность, используя ресурсы и рабочую силу, постепенно включиться в центр. Страны бывшего СССР, находясь в составе данного политического образования, и несмотря на внутренние различия в уровне экономического и социально-политического развития, по существу, в целом также занимали позицию полупериферии в мир-экономике. Внешние воздействия мирового капиталистического рынка защищались "классической техникой меркантилистского полуустранения от мир-экономики". "Когда капиталистическое мировое хозяйство распространилось за пределы Европы, своей первоначальной базы, и стало включать в себя весь мир, то же самое произошло и с границами межгосударственной системы. Суверенные государства были институтами,

созданными тогда внутри этой (расширяющиеся) межгосударственной системы, были определяемые ею и извлекали свою легитимность из соединения юридического самоутверждения и с признанием со стороны других; что составляет существо "суверенитета"... [3, с.83].

Это состояние изолированности и оторванности от мирового капиталистического рынка продолжалось до коллапса Советского Союза. Распад одной из старейших империй изменил конфигурацию и структуру мир-экономики, значительно сменив состав периферии и полупериферии. Это во многом было связано с тем, что получившие независимость государства, оказались без защиты выше упомянутой техники полуустранения, с одной стороны, с другой - республиканские элиты на местах принялись менять основные структуры управления, что привело по существу, к глубокому внутреннему кризису проникновения и появлению фактически слабых государств. Это было во многом обусловлено, особенностями демократических транзитов посткоммунистического типа.

Имеющаяся литература по данной проблеме, проблеме демократических транзитов, в которой использование компаративного метода к теории политической модернизации позволило выделить в послевоенный период следующие модели демократических транзитов неоклассического и посткоммунистического типов:

1. Западная Германия, Япония, Италия после 1945. Демократизация происходила под контролем внешних сил с использованием материальной помощи и поддержки. Эти факторы наложились один на другой, что позволило демократизацию политики и маркетизацию экономической жизни осуществить одновременно и почти безболезненно. Этому способствовали и другие факторы: наличие времени, необходимого для преобразований, постепенность восстановления разрушенных экономик, медленный рост ожиданий населения и постепенная замена старой элиты новой.

2. Испания, Португалия, и Греция после 1974 г. Эта группа стран устраняла диктаторские режимы в обществах, которые были знакомы с демократией и с рыночной экономикой. Происходил "договорной" переход: компромисс старых и новых элит по поводу условий передачи власти. Испании и Португалии понадобилось более 10 лет, чтобы перейти к консолидированной демократии.

3. Латинская Америка демонстрирует значительное число прерванных трансформаций, откатов от демократии к диктатуре и наоборот даже после продолжительных периодов экономического роста. Одним из условий успеха демократизации в Латинской Америке - гарантии ранее господствовавшему слою со стороны прежде нижних слоев - так называемый "договорной транзит".

4. Азиатские государства (прежде всего Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур) опровергают тезис школы зависимости о "развитии слаборазвитых", т.е. о проникновении капитализма в эту группу стран по причине их слаборазвитости. Пример выше указанных стран, а также Таиланда, Малайзии и Индонезии показывают, что в рамках современной капиталистической системы возможно самостоятельное развитие и экономический рост. Объединяют эти страны следующие особенности: высокий уровень бедности, масштаб и глубина демократических реформ значительно уступают по своим темпам росту экономики.

5. Наличие в мировом масштабе альтернативных моделей перехода к демократии: КНР - первая коммунистическая страна, которая борется за капиталистические инвестиции и предоставляет им большой простор, получая взамен высокие темпы роста. КПК сохраняет политический контроль, подавляя расширение политического участия и демократизацию. В китайском обществе сохраняется жесткое деление общества на номенклатуру, новых богачей, остальное население, сохраняется противоречие между городом и деревней, что в совокупности представляет большой конфликтогенный потенциал. Этот потенциал может вылиться в развитие различных сепаратистских движений.

6. Восточная Европа - отсутствует внешний фактор принуждения в сочетании с материальной помощью. Вместе с тем сочетание требований демократии, роста и благосостояния намного превышают наличные возможности, а недостаток внутреннего капитала и времени затрудняет возникновение новых элит и предпринимателей, но содействует укреплению позиций старой элиты и мафиозным структурам. В критических же ситуациях (пример, Югославия, некоторые части бывшего Советского Союза) становится под вопрос национальное единство, что усиливает угрозу регресса.

7. Восточная Германия - социалистическая система переведена в действующую демократию и рыночную экономику, в "готовое государство", которое осуществило гигантский перенос капитала и знаний. Но сохраняется огромное число проблем: многие связи бывшей ГДР разрушены, значительные группы населения должны терпеть радикальную потерю статуса и безработицу, а вхождение в ФРГ воспринимают как решение чужаков, на которое они не могли оказать никакого воздействия.

Главными общими чертами всех выше перечисленных моделей демократических транзитов и модернизации являются: известность целей развития, стремление установить демократические нормы и процедуры, обеспечение экономического роста и социальной защиты. Основными средствами достижения выше перечисленных целей служат заимствование или создание по имеющимся моделям существующих базовых институтов "образцовых" обществ: конкурентная демократия, рыночное хозяйство, социальное государство и массовое потребление. В то же время существуют определенные различия в темпе идущих процессов, в расстановках элит и населения, в консенсусе элит.

Демократические транзиты посткоммунистического типа в странах Центральной и Восточной Европы, а также бывшего Советского Союза отличаются от предшествующих переходов к демократии определенными особенностями. Среди них выделяются следующее: 1) масштаб изменений: реформы происходят одновременно в экономической, политической и социальной сферах общества; кроме того, ряд стран вынуждены решать проблемы территориального суверенитета, и проходят этап становления национального государства; 2) одновременно начавшиеся реформы политической и экономической сфер приводят к появлению некоей асимметрии, которая порождает массовую демократию (по меньшей мере, политический плюрализм) и только потом рыночный капитализм; 3) рыночно ориентированные реформы возможны только в условиях политического плюрализма; 4) ненасильственный характер транзита; 5) прежняя элита продолжает быть у власти, и появляющийся капиталистический класс буржуазии включает очень много представителей прежней элиты (т.е. коммунистической номенклатуры); 6) активными политическими акторами становятся представители среднего звена партийной элиты, которые менее всего были отягощены идеологическими предрассудками, и фактически были главными связующими элементами в системе государственного управления. Поэтому совершенно оправдано относительно стран Восточной Европы было появление теории менеджаризма [4, pp. 215-233].

Модернизация и индустриализация успешно осуществлялись с помощью государства, которое управляло социальными отношениями; потоками факторов производства-капитала, товаров, рабочей силы. В то же время государство являлось их отражениями. Вместе с тем государство в полупериферийной зоне вмешивается непосредственно в экономику для:

- 1) обеспечения увеличения цен на тот или иной продукт;
- 2) обеспечения прибылей в те или иные формы экспорта/импорта;
- 3) перераспределения собственности;
- 4) вытеснения основной массы населения за черту бедности [5, p.743-751].

Кроме того, процессы модернизации и демократизации изменили функции государства. И изменились те, что находятся вне рынка, предшествуют ему и должны присутствовать до того, как богатые люди возжелают создать рынок. Такими управленческими предпосылками являются следующие функции государства:

- 1) обеспечение закона и порядка;
- 2) гарантия собственности;
- 3) надзор за соблюдением контрактов;
- 4) создание условий для осуществления обмена;
- 5) создание возможностей для передачи государственных владений в частные руки;
- 6) обеспечение избыточного общественного капитала;
- 7) создание условий для удовлетворения потребности в рабочих местах;
- 8) обеспечение аллокации ответственности за имущественный ущерб [6, с.112-113].

Не трудно заметить, что именно эти функции на момент коллапса Советского Союза находились в кризисе, и государство не могло обеспечить защиту интересов и доверия в системе социальных контрактов. "Государство утратило возможность наносить большой вред, но в целом ряде случаев государство слишком ослабло и не в состоянии выполнять необходимые функции" [7, с.193]. В то же время происходило интенсивное разупорядочивание политических институтов и

нарушение существовавшего равновесия в обществе. На эти процессы, безусловно, оказывали влияние значительно усиливающиеся в эпоху глобализации социальные и этнические расколы. Это привело к тому, что революция или слом государственной машины был произведен номенклатурой среднего звена, как бы "революцией из середины" [8, с.20].

Процессы модернизации и системной трансформации общества всегда сопровождаются различными кризисами. Слабость политических институтов порождают кризис проникновения и кризис распределения, когда элиты не могут ни управлять ресурсными потоками, ни рационально использовать имеющиеся в наличии возможности контроля и эффективного манипулирования [9, pp.205-282].

Неспособность политических институтов исполнять ими главные функции (детерминация ресурсов доступа к власти, возможности распределения прибыли, агрегация интересов социальных групп, моделей репрезентации интересов, стабилизации и стимулирования ожиданий социальных агентов, и уверенность в будущем, неопределенность полномочий между центром и регионами) замещаются другими медиативными институтами: клиентелизмом, патримониализмом и коррупцией.

Элиты стран "третьей волны" демократизации ("русский" капитализм, "украинский" капитализм), ставя во главу угла исключительно личные связи и защиту своей экономической или псевдозкономической деятельности от какой-либо конкуренции, по существу, воспроизводят экономические и социальные формы феодализма. Частный капитал формируется на основании стратегической позиции чиновника в обладании и контроле над какими-либо административно-управленческими ресурсами, т.е. благодаря четко занимаемому положению в бюрократической системе.

"Корпоративизация" всевозможных государственных предприятий и возникновение на их основе акционерных обществ закрытого/полузакрытого типа позволили вывести определенные суммы финансового капитала за пределы какого-либо контроля. Это позволило коммунистической номенклатуре довольно успешно провести "массовую приватизацию" без привлечения масс. Полученные деньги, в результате контролируемых транзакций бюрократии, позволяют занять еще более выгодное положение в системе контроля над административными ресурсами. В свою очередь данное положение позволяет легитимировать перевод государственных денег на собственный счет. По существу осуществляется слияние бизнес-элиты, политической элиты и бюрократии в России и Украине. Подтверждением этого является ситуация вокруг энергетических ресурсов и телекоммуникаций, которые благодаря коррупции, льготам и привилегиям оказались полностью монополизированными.

Главная роль в формировании стратегического развития страны принадлежит экономической преступности. Основными видами экономической преступности являются:

- 1) незаконное отчуждение государственной собственности в ходе приватизации и злоупотребления при управлении ею;
- 2) противоправное перераспределение произведенного валового внутреннего продукта в пользу криминальных слоев путем преступных махинаций в кредитно-финансовой и внешнеэкономической сферах, на валютно-денежном и потребительском рынках;
- 3) нелегальное осуществление предпринимательской деятельности, использование лжефирм или предприятий, зарегистрированных на подставных лиц;
- 4) аферы в отношении вкладчиков различных финансовых кампаний;
- 5) "сползание" некоторых секторов экономики на незаконные принципы функционирования;
- 6) использование теневых капиталов на воспроизводство преступности;
- 7) активная интеграция организованной преступности в экономическую с целью получения сверхвысоких незаконных доходов;
- 8) уголовный террор;
- 9) использование коррумпированных должностных лиц для достижения преступных целей;
- 10) расширение каналов незаконного обогащения, установление и передел сфер влияния, перераспределение собственности и устранение конкурентов и др.

Но "наиболее деструктивным из факторов, влиявших как на состояние общества в целом, так и на криминальную ситуацию в стране, является неоправданно высокий темп концентрации

капиталов и средства производства в руках частных лиц. Это не только углубляет социальное неравенство и антагонизм между отдельными группами населения, но и ожесточает борьбу за сферы влияния среди новоявленных бизнесменов, обладающих криминальным опытом или связями с преступным миром. В результате наблюдается активный процесс криминализации экономики с одновременным усилением альянса экономической и общеуголовной преступности в наиболее опасных формах. Отсюда - заказные убийства банкиров и крупных коммерсантов; серии банкротств и разорений банковских и иных финансовых структур, подконтрольных менее влиятельным "криминальным группировкам" [10, с.74-75].

Экономическая преступность обладает "проникающей силой" и ее экспансия в разные неэкономические институты - в сферу политики, правоохранительные органы, финансовые учреждения, службы таможни, налоговую полицию, в учреждения культуры. Этот факт является доказательством криминализации не только экономики, но и общества в целом.

Свертывание государственного бюджета, массовое уклонение от налогов, расстройство механизмов исполнительной власти, ощутимая утрата легитимности властных институтов приводят к приватизации организованного насилия, которое уже не является только прерогативой исключительно государства. С точки зрения Ч. Тилли, государство, возникнув как средство гарантии доверия социальных и экономических агентов друг к другу, эффективно функционирует, если может легитимировать свое организованное насилие [11, р.173]. В противном случае, оно начинает переживать кризис. Это приводит к фрагментации государства в основных его образующих функциях. Фрагментация государства, с точки зрения российского ученого В. Волкова, есть "процесс создания автономных от государства организаций, использующих реальное или потенциальное насилие для извлечения дохода на территории, находящейся под формальной юрисдикцией государства" [12, с.44].

Проявлениями данного явления являются:

- кризис и сохранение государственных институтов организованного насилия;
- приватизация государственного насилия;
- снижение динамики поступлений налогов в государственный бюджет;
- частичная приватизация функций обеспечения законности и правопорядка на территории государства.

Неправительственные органы правопорядка вытесняют государственные органы в процессе перехода к рынку, приватизируя институциональные изменения, так как более эффективно защищают интересы экономических и социальных агентов. Государство стало разработчиком криминогенной экономической политики и потому потеряло способность выполнить свою основную функцию - быть барьером против криминализации и эффективно выполнять управленческую функцию. Поэтому возникает криминальное государство, основные агенты изменений которого не заинтересованы в стратегических изменениях. Это лишь подтвердило неспособность демократов и номенклатуры среднего звена, которые и были главными действующими лицами в декларированных трансформациях, осуществить маркетизацию экономики и разработать приемлемую стратегию социального развития страны.

Статистика дает этому подтверждение. За период 1991/97 гг. ВВП в Украине сократился на 58,4%, производство промышленной продукции на 51,1%, с/х продукции на 41,6%. Удельный вес чистых налогов увеличился в 2,7 раза (1990 от 8,4% до 22,4%). Реализация продукции по бартеру составляла в 1997 г. 42,4, а за первое полугодие 1998 - 41,7%; 70% составляет первичная и промежуточная продукция; производство товаров народного потребления сократилось с 31,3% (1991) до 19,7% (1997). Кроме того в стране существует 140 монопольных образований. Прямые иностранные инвестиции в 1998 г. составляли 2,5 млрд. долл. (48 дол на человека). По уровню зарплаты Украина отстает от России в 2 раза; от Восточной Европы в 13 раз; По данным Мирового Банка 1/3 граждан (17 млн.) находится за чертой бедности. По уровню конкурентоспособности Украина занимает последнее место среди 53 стран [13].

Выше указанные факторы способствовали установлению открытой формы правления плутократии, которая не заинтересована в инвестировании развития собственной страны. В тоже время отсутствие соответствующего правового поля для экономических реформ, незавершенность демократизации политической сферы привели к повышению роли латентных медиативных институтов: коррупции, клиентелизм, мафиозных структур, которые и взяли на себя функцию обеспечения доверия социальных агентов друг к другу. В тоже время этот результат фрагментации госу-

дарства, породив симбиоз мандиативных и государственных структур, позволяет правящей элите довольно эффективно осуществлять политическую мобилизацию населения. Недавний референдум весной 2000 года продемонстрировал способность политической элиты использовать административные ресурсы для получения желаемого результата, который отнюдь не был гарантирован, если бы не использование чиновниками все возможных рычагов давления и политического манипулирования.

Это особенно актуально в контексте кризиса идентичности государства как геополитического субъекта и как суверенного государства с еще не устоявшимися приоритетами во внешней политике. Он переживается как следствие распада прежней политической культуры и потери определенной цивилизационной принадлежности, что, безусловно, негативно влияет на выработку приоритетов в сфере международных отношений и затрудняет артикулирование и агрегирование реальных национальных интересов, т.е., "где зарождающееся международное сообщество не способно регулировать отношения между нациями, более надежная основа для внешнеполитических решений лежит не в попытках определить, что правильно и что неправильно, а в попытках определить национальный интерес" [14, с.113]. Но, к сожалению, почти спустя десяти лет независимого и самостоятельного существования государства господствующая элита не смогла представить ни миру, ни собственному народу, ни концепции стратегического развития страны, ни концепции национальной безопасности, в основе которой и находится национальный интерес.

Первоначальные этапы демократического транзита лишь усугубили недоверие, как к сохранившимся институтам управления, так и к вновь появившимся демократическим институциям. Разрушаемые экономические и социальные инфраструктуры, криминализация процессов установления институтов политической демократии обеспечили технологическое отставание страны навсегда и зарезервировали место зоне мировой периферии, несмотря на отнюдь не периферийный уровень образования и грамотности.

Вполне уместно, с точки зрения автора, здесь вспомнить, что "трагедия капитализма заключается не только в его неспособности понять свою зависимость от государства, но и в попытках очернить политику, что может превратить его в фактического врага самой демократии" [6, с.116].

Литература

1. Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman: Oklahoma University Press, 1991.
2. Фуше М. Европейская республика. Исторические и географические контуры. Пер. с фр. - М.: Международные отношения, 1999.
3. Валлерстайн И. Общественное развитие или развитие мировой системы? // Вопросы социологии. - 1992 - Т.1. - №1.
4. European Societies. Fusion or Fission? Ed. by Thomas P. Boje. London and New York: Routledge, 1999.
5. Wallerstein I. The states in the institutional vortex of the capitalist world-economy // International Social Science Journal. - 1980 - vol. XXXII - №4.
6. Лоуи Т. Глобализация, государство, демократия: образ новой политической науки // Полис. - 1999. - №5.
7. Скидельски Р. Дорога от рабства. Об экономических и политических последствиях краха коммунизма. - М., 1998.
8. Дерлугьян Г. Крушение советской системы и его потенциальные следствия: банкротство, сегментация, вырождение // Полис. - 2000. - №3.
9. LaPalombara, Joseph. Penetration: A Crisis of Government Capacity in Crisis and Political Development. Princeton: Princeton University Press, 1971.
10. Рывкина Р.В. Социальные корни криминализации российского общества // Социс. - 1997. - №4.
11. Tilly, Charles. Roads from Past to Future. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 1997.
12. Волков В.В. Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства // Полис. - 1998. - №5.
13. УНИАН-Время, 28.01.99
14. Шлезингер А. Циклы американской истории. - М.: Прогресс, 1992.